

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 3 (77)
2024

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Н. В. Давидович
Личная собственность в советском законодательстве 6

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- А. П. Назаров
Публично-правовой аспект цифровой трансформации
в сфере энергетики 19
- Л. А. Пасешникова, Г. Т. Ромашова
Образовательная деятельности в СССР и РФ как системный элемент
профессиональной подготовки государственных служащих 34
- А. А. Портнова
Теоретико-правовые основы реализации административно-правовых
режимов в сфере обеспечения национальных интересов 53
- М. Р. Ромашова
Конституционное правопонимание как системный элемент
российского федерализма 69
- М. В. Рыбкина, Ю. Ю. Ларюгина
Механизмы обеспечения согласованного функционирования
и взаимодействия органов публичной власти в Российской Федерации 92
- И. И. Тахмазиди
Проблемы понимания права собственности в юридической литературе
периода Российской империи 110

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Е. А. Нахова
К вопросу о концепции локального предмета доказывания
в гражданском процессе 123

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Р. Д. Чепаров
Лишение права занимать определенные должности или заниматься
определенной деятельностью: проблемные аспекты наказания 138

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Nikita V. Davidovich
Personal Property in Soviet Legislation 6

PUBLIC LAW SCIENCES

- Aslan P. Nazarov
The Public-legal Aspect of Digital Transformation
in the Energy Sector 19
- Larisa A. Paseshnikova, Galia T. Romashova
Educational Activities in the USSR and the Russian Federation
as a Systemic Element of Professional Training of Civil Servants 34
- Alena A. Portnova
Theoretical and Legal Foundations for the Implementation
of Administrative Legal Regimes in the Field of Providing National Interests 53
- Maria R. Pomashova
Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element
of Russian Federalism 69
- Marina V. Rybkina, Yulia Y. Laryugina
Mechanisms to Ensure Coordinated Functioning and Interaction
of Public Authorities in the Russian Federation 92
- Ivan I. Tahmazidi
Problems of Understanding Property Rights in the Legal Literature
of the Period of the Russian Empire 110

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

- Elena A. Nakhova
On the Issue of the Concept of the Local Subject of Proof
in Civil Proceedings 123

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Roman D. Cheparov
Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain
Activities: Problematic Aspects of Punishment 138

Личная собственность в советском законодательстве

Н. В. Давидович

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящая статья посвящена анализу института личной собственности в СССР. Личная собственность в данной работе исследуется не столько со стороны причин и последствий ее возникновения, сколько со стороны ее содержательных особенностей в сравнении с частной собственностью, которую личная собственность заменила.

В статье рассмотрены основные сходства и различия частной и личной собственности, а также мотивы произошедшего замещения институтов.

Ключевые слова: собственность, право частной собственности, институт частной собственности, советский период, ограничения права частной собственности в советский период, личная собственность, институт личной собственности.

Для цитирования: Давидович Н. В. Личная собственность в советском законодательстве // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 6–18. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_6. EDN: ALJKKQ

Original article
UDC 340.132.83
EDN: ALJKKQ
DOI: 10.35231/18136230_2024_3_6

Personal Property in Soviet Legislation

Nikita V. Davidovich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the institution of personal property in the USSR. Personal property in this work is examined not so much from the side of the causes and consequences of its emergence, but from the side of its substantive features in comparison with private property, which personal property replaced.

The article examines the main similarities and differences between private and personal property, as well as the motives for the replacement of institutions that took place.

Key words: property, private property right, the institution of private property, the Soviet period, restrictions on the right of private property in the Soviet period, personal property, the institution of personal property.

For citation: Davidovich, N. V. (2024) Lichnaya sobstvennost' v sovetskom zakonodatel'stve [Personal Property in Soviet Legislation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 6–18. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_6. EDN: ALJKKQ

Введение

Понимание собственности и института частной собственности занимает одно из ключевых мест в отечественной правовой науке. Исследование правоотношений, возникающих по поводу собственности представляет существенный интерес, в том числе, поскольку отношение к праву собственности в конкретный исторический период служит одним из базисов всей правовой системы.

Важно понимать, что правоотношения собственности содержат не только статическую сторону – отношения принадлежности предметов собственности, но и динамическую – отношения по движению материальных объектов от субъекта к субъекту, что выражается в процессе обмена и отчуждения.

Обмен товарами неразрывно связан с присвоением его участниками самих товаров, а поскольку товарообмен является одной из основ общественных отношений, отношения собственности также являются их необходимой составляющей.

Соответственно, логичным является вывод о том, что сформированное в обществе отношение к праву частной собственности определяет значительную часть всей правовой системы общества. Причем особенности регулирования института частной собственности могут служить как для стимулирования развития общества, так и для его замедления.

Представляется справедливым наблюдение Я. Н. Уманского, который указал, что каков способ производства, таково в основном и само общество, таковы классы в данном обществе, характер политического строя, господствующие правовые, этические и другие взгляды, идеи, теории и соответствующие им учреждения [7, с. 77].

Институт частной собственности прошел достаточно сложный путь исторического развития. Развитие различ-

ных подходов к его пониманию и их влияние на существующие в обществе процессы организации хорошо прослеживаются на примере России, где параллельно развитию теоретического понимания права собственности, практические отношения собственности регулярно приводили к войнам, социальным конфликтам и различным религиозным и политическим противоречиям в обществе. В большинстве случаев именно борьба за власть, через приобретение права собственности на ресурсы производства, служила причиной таких конфликтов.

Особенно примечательным представляется реализованный в России отказ от частной собственности. Так, в начале XX века, после установления советской власти, начался период постепенного запрета частной собственности. Обусловлен данный процесс был основополагающими трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в качестве одного из критериев социалистических производственных отношений видели безусловную социалистическую собственность на все средства производства [9, с. 11–13].

Важно понимать, что институт частной собственности не был ликвидирован одномоментно. Практически 20 лет с момента установления советской власти, частная собственность допускалась и была закреплена в законодательстве. Однако предпосылки замены частной собственности личной можно выявить уже в период окончания НЭП.

Целью настоящей статьи является анализ содержания личной собственности и его понимания в советский период.

Формирование и закрепление личной собственности

После неудачного завершения периода НЭП, советской властью был взят курс на высокую индустриализацию посредством мобилизации всех доступных производственных ресурсов на цели развития социалистического хозяйства и индустрий.

Первым и базовым нормативным актом, закрепившим новую систему отношений собственности, стала Конституция СССР, утвержденная на восьмом чрезвычайном съезде Советов 5 декабря 1936 года. В соответствии с указанным правовым актом базисом экономических отношений стала социалистическая система хозяйства, в основе которой лежала социалистическая собственность. Таким образом, к 1936 году практически полностью был завершен процесс ликвидации всех капиталистических элементов в экономике, которые сохранялись со времён Российской империи. По данному поводу С. Н. Братусь указал, что Конституция 1936 года закрепила победу социалистической собственности в СССР [1, с. 3].

Анализируя подход советского законодательства, необходимо обратить внимание, что в Конституции были закреплены две базовые формы собственности: государственная и кооперативная, а также вспомогательная форма собственности – личная.

В юридической литературе того времени отмечалось: «Все три формы социалистической собственности однотипны, но они отличаются друг от друга по источникам возникновения, субъектному составу, кругу объектов и способам управления. Поэтому предусматривается их самостоятельное правовое регулирование» [4, с. 299].

Институты государственной и муниципальной собственности развивались очень активно. Ключевым способом их возникновения стала национализация и муниципализация, то есть обращение частной собственности в государственную или муниципальную [5, с. 15]. Соответственно, преемственность государственной и муниципальной собственности от ликвидируемой частной собственности прослеживается достаточно отчетливо.

В свою очередь, исключение частной собственности привело к образованию вакуума, который должен был

быть заполнен иным институтом. Таким институтом стала личная собственность, которая имела свои существенные отличия.

Возникновение института личной собственности способствовало закреплению в законодательстве прав граждан на использование предметов личного потребления, ведения личного хозяйства, садоводства, а также строительства жилья. Поддержка такой деятельности обеспечивалась за счет содействия со стороны колхозов и государства. Указанный институт стал необходимой заменой частной собственности в советский период, поскольку позволил сохранить права граждан и их защиту на вещи личного потребления.

Содержание личной собственности в советском законодательстве.

Основные отличия частной и личной собственности

Правовое регулирование правоотношений, возникающих по поводу личной собственности, основывалось на статье 10 Конституции СССР 1936 года. В основу законодательного определения личной собственности легли ее производный характер от общественной собственности и ориентация на потребление [8, с. 112].

Интересно, что в советской правовой науке подробному изучению подвергалась не только личная собственность, исследование которой в полном объеме укладывалась в признанную социалистическую идеологию, но и частная собственность. Такой подход представляется логичным, поскольку он позволял продемонстрировать преимущества личной собственности в рамках сравнительного анализа двух институтов.

Несмотря на существенные ограничения, предусмотренные для личной собственности, справедливо будет отметить, что в рамках построения коммунизма,

личная собственность в значительной степени больше соответствовала главенствующей идеологии. В свою очередь частная собственность представлялась несоответствующей общей тенденции развития общества в силу своей направленности на апроприацию продуктов труда других лиц.

Ключевую разницу между институтом частной собственности и институтом личной собственности можно обнаружить при учёте трёх несомненных особенностей личной собственности.

Во-первых, личная собственность не могла выступать источником нетрудового дохода. Использование личной собственности могло осуществляться исключительно в потребительских целях, то есть для удовлетворения потребностей самого собственника и членов его семьи [3, с. 15]. Ю. К. Толстой указывал, что имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества [6, с. 19].

Во-вторых, личная собственность не могла использоваться для эксплуатации наемного труда. Показательный пример приводит Д. М. Генкин, который обращает внимание на типовую ситуацию, если гражданин имеет в личной собственности автомобиль, он вправе привлекать наемный труд шофера только для использования собственного автомобиля в своих интересах, однако получать доходы от работы шофера он не вправе [2, с. 113–114].

В-третьих, единственным источником приобретения предметов в личную собственность могли быть только трудовые доходы.

Средства производства, необходимые для экономического развития советского государства, не могли поступить в личную собственность граждан. В целом, предметом личной собственности могли выступать ис-

ключительно предметы личного и семейного потребления, которые приобретены за счет трудовых доходов.

Законодатель последовательно реализовывал принцип потребительского назначения личной собственности, придерживаясь консистентного подхода. Размер и использование имущества в личной собственности отличались от аналогичных аспектов в частной собственности.

Следует отметить, что на данном этапе не существовало ограничений по объему личной собственности. Изначально, когда допускалась частнокапиталистическая собственность и ее использование в предпринимательских целях, законодательство устанавливало ограничения для индивидуальной частной собственности. Однако с устранением капиталистических элементов из права собственности и при переходе индивидуальной собственности к потребительскому, личному характеру, потребность в таких ограничениях отпала, и они были сняты.

Характерной чертой личной собственности были существенные ограничения, обусловленные ее потребительским характером. Не все формы использования личной собственности считались допустимыми. Основной целью личной собственности признавалось удовлетворение личных потребностей владельца.

Таким образом, недопустимым считалось любое использование личной собственности, не соответствующее указанной цели, включая систематическое извлечение доходов без труда, противоречащее общественным интересам, а также безраздельное отношение к своей собственности.

Укрепление личной собственности в послевоенный период

Концепция личной собственности в полном объеме соответствовала общественно-экономическому вектору развития, в связи с чем указанный институт последова-

тельно получал свое закрепление и развитие в советском законодательстве.

Конституция СССР 1936 года стала своеобразным базисом для дальнейшего укрепления института личной собственности, а также большого количества теоретических исследований. Однако пиком развития института личной собственности в СССР стало принятие Основ Гражданского законодательства СССР и союзных республик в 1961 году, на базе которых в дальнейшем были приняты гражданские кодексы республик СССР.

При этом важно, что на момент принятия Основ гражданского законодательства СССР, личная собственность не была сформулирована в окончательном виде. Непосредственно их содержания Основ следовало, что в ходе становления коммунистического общества, потребности граждан все больше должны были удовлетворяться из общественных фондов. При этом, сама личная собственность на момент принятия Основ является производной от социалистической.

Ст. 13 Конституции СССР 1977 года повторно закрепила правовой статус личной собственности, указав, что ее основой являются трудовые доходы, а допустимым использованием – потребительские цели. Предметом личной собственности признавались исключительно предметы быта, товары личного пользования, удобства и средства для домашнего хозяйства, жилые дома и сбережения, полученные в результате личного труда.

Принимая во внимание, что дальнейшего развития институт личной собственности не получил, период с 1961 года до принятия в 1990 году Закона «О собственности в СССР» является одновременно и завершающим этапом существования данного института, и его самым активным периодом, поскольку в легальном поле институт частной собственности был полностью ликвидирован.

В своей итоговой форме полномочия собственника в отношении личной собственности выражались с использованием типичной для отечественной системы права триады, то есть владения, распоряжения и пользования. При этом важно, что именно относительно личной собственности, правомочие по распоряжению было существенно ограничено.

Институт личной собственности оставался продуктом коммунистической идеологии. Сформированные ранее ограничения только развивались, поскольку развитие шло по пути противопоставления личной собственности социалистической, при безусловном верховенстве социалистической. Так, например, гражданам запрещалось иметь более одного жилого дома в личной собственности, заключать договоры найма с ценами, не соответствующими установленным. Более того, к самой личной собственности граждан предъявлялись определенные требования, в том числе, запрещалось строительство жилых домов с отклонением от установленных требований.

Заключение

С учетом существенных изменений в общественно-экономическом строе, произошедших в начале XX века в России, институт частной собственности оказался несоответствующим основным идеям, положенным в основу новой идеологии. Учитывая, что институт частной собственности занимал ключевое место в основе общественных отношений, реальная возможность его единовременной ликвидации отсутствовала.

Процесс ликвидации частной собственности занял более двадцати лет. В период НЭП частная собственность сохранялась, хотя и со значительными ограничениями. Однако задача на ликвидацию частной собственности все же была исполнена.

Заменой частной собственности в советский период стала личная собственность, которая соответствовала концепции социалистической идеологии. Личная собственность обладала рядом ключевых отличий:

Прежде всего предметом личной собственности могли быть не все вещи, которые были предметом частной собственности. Одной из задач введения личной собственности было формирование ограничений на использование вещей в целях, не связанных с потреблением. Соответственно, предметом личной собственности в советском государстве могли быть только прямо обозначенные вещи, цель использования которых заключается в удовлетворении личных потребностей. В свою очередь все средства производства принадлежали государству и обществу.

Во-вторых, допустимо провести разграничение по источнику права собственности. В капиталистическом обществе право частной собственности могло возникать на любых законных основаниях. В советском государстве была предусмотрена система, в соответствии с которой источником личной собственности могла быть только трудовая деятельность и трудовые доходы. Подобный подход позволял установить глубокую связь между личной собственностью и социалистическим имуществом, при безусловном верховенстве последнего.

Кроме того, одним из ключевых отличий личной собственности является недопустимость реализации полномочий личного собственника путем эксплуатации наемного труда для получения доходов. Как было указано ранее, основной целью использования личной собственности являлось личное потребление, которое не допускает эксплуатации чужого труда.

Таким образом, отличия между личной собственностью и частной собственностью могут быть выявлены сразу

по нескольким критериям. Однако дополнительно следует отметить то, что личная собственность по своей сути не была самостоятельна, поскольку выступала производной от социалистической собственности.

Список литературы

1. Братусь С. Н. Формы собственности по Конституции СССР // Труды Военно-юридической академии. – 1949. – № 9.
2. Генкин Д. М. Право собственности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961.
3. Ерошенко А. А. Личная собственность советских граждан. – Краснодар, 1970.
4. Красавчикова О. А. Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1. – М., 1985.
5. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. – М.: Зерцало-М, 2002.
6. Толстой Ю. К. Конституция СССР и право собственности // Советское государство и право. – 1978. – № 7.
7. Уманский Я. Н. Советское государственное право. – М., 1970.
8. Халфина Р. О. Право личной собственности. – М., 1964.
9. Юрьев В. М. История трансформации отношений собственности в России: монография: в 3 т. Т. 2: Рождение, становление и развитие новых отношений собственности в советский период. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012.

References

1. Bratus', S. N. (1949) *Formy` sobstvennosti po Konstitucii SSSR* [Forms of ownership according to the Constitution of the USSR]. *Trudy` Voenno-yuridicheskoy akademii – Works of the Military Law Academy*. No. 9. (In Russian).
2. Genkin, D. M. (1961) *Pravo sobstvennosti v SSSR* [Property rights in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
3. Eroshenko, A. A. (1970) *Lichnaya sobstvennost` sovetskix grazhdan* [Personal property of Soviet citizens]. Krasnodar. (In Russian).
4. Krasavchikova, O. A. (1985) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: 2 t. T. 1* [Soviet civil law: In 2 vols. Vol. 1.] Moscow. (In Russian).
5. Noviczkaaya, T. E. (2002) *Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922* [Civil Code of the RSFSR 1922]. Moscow: Zerczalo- M. (In Russian).
6. Tolstoj, Y. K. (1978) *Konstituciya SSSR i pravo sobstvennosti* [Constitution of the USSR and property rights]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*. No. 7. (In Russian).
7. Umanskij, Y. N. (1970) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet state law]. Moscow (In Russian).
8. Xalfina, R. O. (1964) *Pravo lichnoj sobstvennosti* [Personal property rights]. Moscow (In Russian).
9. Yur`ev, V. M. (2012) *Istoriya transformacii otnoshenij sobstvennosti v Rossii: monografiya: v 3 t. T. 2: Rozhdenie, stanovlenie i razvitie novy`x otnoshenij sobstvennosti v sovetskij period*. [History of the transformation of property relations in Russia: monograph: in 3 volumes. Vol. 2: Birth, formation and development of new property

relations in the Soviet period]. Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina.
(In Russian).

Об авторе

Давидович Никита Витальевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8270-4989, e-mail: 2411280@bk.ru

About the author

Nikita V. Davidovich, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-8270-4989, e-mail: 2411280@bk.ru

*Поступила в редакцию: 24.07.2024
Принята к публикации: 19.08.2024
Опубликована: 30.09.2024*

*Received: 24 July 2024
Accepted: 19 August 2024
Published: 30 September 2024*

Публично-правовой аспект цифровой трансформации в сфере энергетики

А. П. Назаров

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Президент Российской Федерации неоднократно в ходе ежегодных посланий Федеральному Собранию России акцентировал внимание на вопросах цифровизации, разработки и внедрении цифровых продуктов, решений и инфраструктуры, отечественных программ с расширением сфер применения, в отсутствие которой невозможно представить современное, инновационное развитие экономики.

Энергетический сектор является одним из столпов экономики, соответственно, вопросы цифровой трансформации не могли не затронуть данную сферу.

Ускорение экономических процессов, санкционное давление, недобросовестная конкуренция на рынках энергоносителей создают условия для совершения модернизационного рывка в качестве ответа на глобальные вызовы и угрозы, способствующего повышению уровня производства и оптимизации процессов такого производства, эффективности энергетического сектора, снижения затрат. Иными словами, появление конкурентных преимуществ у организаций в сфере энергетики и достижение энергетической безопасности страны.

В данной статье нами будет рассмотрен публично-правовой аспект цифровой трансформации, концептуальные особенности цифровизации в сфере ТЭК (топливно-энергетического комплекса).

Ключевые слова: энергетика, цифровая трансформация, стратегия, цифровизация в сфере ТЭК.

Для цитирования: Назаров А. П. Публично-правовой аспект цифровой трансформации в сфере энергетики // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 19–33. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_19. EDN: AURHQN

The Public-legal Aspect of Digital Transformation in the Energy Sector

Aslan P. Nazarov

St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

During his annual addresses to the Federal Assembly of Russia, the President of the Russian Federation has repeatedly focused on issues of digitalization, the development and implementation of digital products, solutions and infrastructure, domestic programs with expanded fields of application, in the absence of which it is impossible to imagine modern, innovative economic development.

The energy sector is one of the pillars of the economy, accordingly, the issues of digital transformation could not affect this area.

Acceleration of economic processes, sanctions pressure, unfair competition in the energy markets create conditions for making a modernization breakthrough as a response to global challenges and threats, contributing to an increase in the level of production and optimization of such production processes, efficiency of the energy sector, cost reduction, in other words, the emergence of competitive advantages for organizations in the energy sector and achieving energy security of the country.

In this article, we will consider the public-legal aspect of digital transformation, the conceptual features of digitalization in the field of fuel and energy complex (fuel and energy complex).

Key words: energy, digital transformation, strategy, digitalization in the energy sector.

For citation: Nazarov, A. P. (2024) Publichno-pravovoj aspekt cifrovoy transformacii v sfere energetiki [The Public-legal Aspect of Digital Transformation in the Energy Sector]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 19–33. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_19. EDN: AURHQN

Введение

В ходе оглашения ежегодного Послания¹ глава государства вновь уделил особое внимание вопросам цифровой трансформации, указав на положительный эффект от применения технологий искусственного интеллекта и на возможности повышения эффективности производительности труда, улучшения взаимодействия между представителями бизнес-сферы, гражданами и публичной властью различного уровня. Необходимость создания и реализации цифровых платформ в различных сферах была подчеркнута В. В. Путиным в процессе выступления. Так, к 2030 году планируется формирование цифровых платформ в ключевых отраслях экономики и социальной сферы, реализация нового национального проекта «Экономика данных» в течение 6 лет, с бюджетом не менее 700 млрд рублей.

Напомним, что Послание относится к документам стратегического планирования согласно Федеральному закону от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², на основе которых, в последующем, принимаются управленческие решения, поручения, разрабатываются нормативные правовые акты.

Вместе с тем, очередное указание Президента России на вопросы цифровизации, несмотря на действующую правовую базу и принятые меры со стороны органов исполнительной власти и организаций, свидетельствует о необходимости нового стимула в этом процессе, с расширением сферы применения, совершенствования правового регулирования с нацеленности на положительный оперативный практический эффект [6, с. 51].

---

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 01.03.2014. № 46.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть 1), ст. 3378.

Осмелимся предположить, что в подтексте Послания звучит прямой сигнал о недостаточных темпах цифровизации экономики и государственного управления. Однако, не углубляясь в обширные рассуждения о процессе цифровой трансформации в целом, обратим внимание, в рамках нашего исследования, на энергетический сектор экономики страны.

Нормативно-концептуальная основа цифровой трансформации энергетического сектора

Цифровая трансформация в сфере энергетики носит комплексный характер и непосредственно зависит от уровня развития научно-технической базы, обеспечения технологического суверенитета, разработки и внедрения отечественных программных продуктов и сервиса, от темпа формирования информационного общества в целом. Такой характер процесса отражается и на правовом регулировании.

Стратегия научно-технического развития Российской Федерации, утверждена Указом Президента России от 28.02.2024 № 145 (далее – Стратегия № 145)¹, разработку и применение инновационных цифровых, интеллектуальных и производственных технологий, роботизированных систем на базе научно-технических достижений, рассматривает в качестве основного приоритета среднесрочную перспективу.

При этом, согласно Стратегии № 145, переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение производительности и эффективности в энергетическом секторе, в том числе в вопросах транспортировки и переработки углеводородного сырья, не представляется возможным без создания технологий.

---

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // СЗ РФ. 04.03.2024. № 10, ст. 1373.

При этом, в качестве мер, направленных на достижение указанного результата, планируется решение кадровых вопросов, создание и обеспечение условий для научных исследований и разработок, соотносимых с лучшими мировыми практиками, согласованное взаимодействие научного сообщества с бизнесом, а также формирование эффективной системы административного менеджмента в области науки.

Иными словами, цифровизация энергетического сектора подразумевает под собой инвестиционную привлекательность, применение передовых технологий и научных достижений, отвечающих интересам бизнеса и научного сообщества [1, с. 20; 7, с. 15].

Также следует отметить, что цифровая трансформация экономики нормативно закреплена в правовом акте стратегического целеполагания – Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309¹ (далее – Указ № 309). Цифровизация указана в качестве задачи в двух национальных целях – «Технологическое лидерство», «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». В первом случае предполагается в целом обеспечить технологическую независимость и формирование новых рынков по таким направлениям как «экономика данных и цифровая трансформация», «новые энергетические технологии». Во втором – задачи в рамках национальной цели детализированы и сводятся (в контексте нашего исследования) к увеличению количества (не менее 80 %) российских компаний в ключевых отраслях экономики (в том, числе энергетической), использующих базовое и прикладное российское программное обеспечение к 2030 году.

---

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20, ст. 2584.

Другим нормативным концептуальным фундаментом исследуемого вопроса является Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203¹ (далее – Указ № 203), согласно которому формирование цифровой экономики определено в качестве национального интереса. При этом развитие собственной информационно-коммуникационной инфраструктуры, разработка и внедрение отечественного «софта» и программных продуктов определены в качестве приоритетов, направленных на достижение национальных интересов.

Вместе с тем, создание условий для развития предпринимательства в этой области, разработка и продвижение собственного (российского) независимого программного обеспечения и технологий необходимо рассматривать как ключевые факторы для достижения поставленной цели [2, с. 108; 3, с. 33; 9, с. 39]. Следует отметить, что в качестве одних из основных и ключевых направлений развития отечественных информационных и коммуникационных технологий определены: возможности применения искусственного интеллекта и создание «экосистемы» цифровой экономики.

В этой связи невозможно оставить без внимания Указ Президента России от 10.10.2019 № 490² (далее также – Указ Президента России № 490). Реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 года сводится к практическому воплощению публичных ожиданий повышению производительности промышленности и инновационности различных секторов экономики, созданию и функционированию экосистемы цифровой экономики, повышению

---

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20, ст. 2901.

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41, ст. 5700.

эффективности публичного управления, улучшению качества жизни граждан.

Однако, речь идет не о масштабном и бездумном внедрении с непредсказуемыми социально-экономическими последствиями. Указ Президента России № 490 предусматривает внедрение доверенных технологий ИИ (отвечающих стандартам безопасности).

Рассмотренные нами документы стратегического планирования создают единую и согласованную нормативно-правовую композицию в качестве концептуального фундамента исследуемого вопроса [8, с. 42; 4, с. 53]. Безусловно, указанные стратегии носят исключительно общий и комплексный характер и не могут отражать специфику различных секторов экономики, в том числе в сфере энергетики.

Теперь более предметно, обратим наш взор на государственную программу Российской Федерации «Развитие энергетики»¹ (далее также – Государственная программа), согласно которой критическая зависимость организаций ТЭК (топливно-энергетического комплекса) от импортных технологий, программного обеспечения рассматривается в качестве вызова перед энергетической отраслью в целом, способна оказать негативное воздействие на состояние защищенности энергетической системы государства.

Кроме того, Государственная программа предполагает совершенствование модернизированного рывка в сфере энергетики, при этом завершение процесса цифровой трансформации и интеллектуализация отраслей ТЭК будет свидетельствовать о таком рывке.

Вместе с тем, вопросы цифровизации не отнесены к числу приоритетов государственной энергетической политики, в качестве целей и ключевых результатов реа-

---

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 // СЗ РФ. 05.05.2014. № 18 (часть III), ст. 2167.

лизации программы не определены, в рамках обеспечения национальной безопасности в энергетической сфере на отражены [15, с. 58]. Разработчиком подчеркивается общий вклад энергетики в ускорение внедрения новых цифровых технологий в экономике.

Полагаем, что такой подход к вопросу цифровой трансформации в энергетическом секторе в рамках Государственной программы не соответствует существующим вызовам и угрозам для энергетической безопасности, экономического развития страны. Государственная программа «размывает» вопрос цифровизации среди целей, задач и ключевых показателей реализации, однако, разработанная и ранее рассмотренная нами нормативная концептуальная база создает предпосылки для обособления данного вопроса с описанием конкретных показателей и задач, подлежащих достижению и выполнению.

В качестве некой «работы над ошибками» можно назвать утверждение Стратегического направления в области цифровизации ТЭКа¹, утратившее силу 12 марта 2024 года (далее также – Стратегия). Полагаем возможным отметить, что вопрос о цифровой трансформации получил статус «стратегического» с выделением таких значимых технологий, как нейротехнология, искусственный интеллект, компоненты робототехники и сенсорики.

Стратегия избежала довольно размытых формулировок, четко и конкретно описывала области применения каждой значимой технологии с указанием ожидаемой цели от такого применения, например, рост инвестиций в основной капитал не менее 70 % по сравнению с 2020 годом, рост инвестиций (вложений) в разработку отечественных программ и сервисов в 4 раза по сравнению с 2019 годом.

---

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 № 3924-р // СЗ РФ. 03.01.2022. № 1 (часть IV), ст. 398.

Довольно интересными являются ранее обозначенные разработчиком проблемы, решение которых предполагалось в ходе реализации Стратегии. В частности, к числу проблем отнесено «несовершенство нормативно-правовой и нормативно-технической базы». Сеем предположить, что такая формулировка не являлась «дежурной» и отражала более глубинные существенные затруднения в процессе нормотворчества и административного правового регулирования.

В нашей статье приведена только основная часть нормативных правовых актов, затрагивающих исследуемый вопрос. У каждого такого акта есть свой разработчик, соответственно, своя компетенция с установленным кругом вопросов, подлежащих реализации. При этом такие правовые акты должны быть между собой взаимосвязаны и согласованы, то есть гармонизированы. На наш взгляд, в этом отражается суть «камня преткновения» – отсутствие согласованности, гармонизации между различными уровнями и видами правовых актов, также отличных друг от друга по специфике регулирования.

Кроме того, ранее обозначенная Стратегией проблема – «отсутствие единой системы управления, координации и мониторинга цифровой трансформации ТЭК» – непосредственно являлась следствием наличия различных конечных исполнителей начиная с уровня публичной власти заканчивая организациями, в том числе некоммерческими, в сфере энергетики.

Полагаем, что более дискуссионными являлись положения Стратегии, определяющие недостаточность мер государственной поддержки разработки и внедрения цифровых решений (технологий), адаптированных под отрасли ТЭК (как для разработчиков, так и для заказчиков технологий) в качестве проблемы. Вместе с тем, обращает на себя внимание, распространение указан-

ного тезиса в отношении «заказчиков технологий» [5, с. 79; 10, с. 26; 11, с. 56].

Следовательно, разработчиком предполагалось, что государство обязано стимулировать организации ТЭК инвестировать в разработку, и в дальнейшем, внедрять цифровые технологии в производство. В этом случае, упускается одна из главных идей Стратегии, цифровая трансформация должна быть инвестиционно привлекательной для хозяйствующих субъектов в сфере энергетики. То есть, каждый рубль, вложенный в отечественный софт, цифровые решения, отечественные программные продукты, по истечению определенного срока, не только окупится, но и принесет выгоду в виде увеличения оборота или сокращения расходов, повышения производительности и т. д.

Полагаем, что инициатива должна исходить от «заказчиков технологий», соответственно, реализация и внедрение цифровых технологий (решений) не подлежит рассмотрению в качестве исключительной прерогативы государства [12, с. 146; 14, с. 39]. Приходим к выводу, что указание недостаточности мер государственной поддержки в отношении «заказчиков технологий» в качестве проблемы было концептуальной ошибкой.

Не можем не отметить, что среди участников реализации Стратегии, отсутствовали органы публичной власти регионального и муниципального уровней, что приводило к выстраиванию неполной системы исполнения положений указанного документа.

Указанные нами концептуальные пробелы были частично устранены разработкой и утверждением нового правового акта – Стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года¹ (далее также – Стратегия 2.0).

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 12.03.2024 № 581-р // СЗ РФ. 18.03.2024. № 12, ст. 1653.

В Стратегии 2.0 усматриваются три основных направления (на наш взгляд): цифровизация на основе отечественного софта (технологий), платформизация (в частности, цифровая платформа «ГосТех»), технологический суверенитет в сфере ТЭК.

Кроме того, в указанном документе вопросы «недостаточности мер государственной поддержки» не рассматриваются в качестве угроз или факторов, оказывающих негативное влияние на достижение установленных целей.

В то же время, «по наследству» к Стратегии 2.0 перешел узкий круг участников реализации документа стратегического планирования. Вместе с тем, можно с уверенностью констатировать, что указанная стратегия в полной мере отражает существующие тренды и реалии, адаптирована к потребностям экономики в целом и энергетического сектора в частности. Другим существенным отличием данной стратегии от предыдущей версии является отсутствие проектной направленности. Так, Стратегия предусматривала реализацию ряда проектов в рамках процесса цифровизации, например, «Активный потребитель», «Цифровой ассистент “Моя энергетика”», «Данные для роста – искусственный интеллект»¹.

Так, Проект «Активный потребитель» предполагал снижение затрат потребителей на электрическую энергию посредством введения новых инструментов снижения таких затрат и внедрения новой системы взаимоотношений на оптовом рынке электроэнергии для последующего создания целевого рынка управления спросом. По данным Минэнерго России², по итогам реализации пилотного проекта услуги по управлению

---

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 № 3924-р // СЗ РФ. 03.01.2022. № 1 (часть IV), ст. 398.

² Официальный сайт Минэнерго России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minenergo.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2024).

спросом на электрическую энергию оказывались более чем 690 объектами регулирования, максимальная величина планового совокупного объема составила более 1190 МВт. Успешная реализация указанного проекта позволила приступить к разработке правотворческих инициатив, так был принят Федеральный закон от 02.11.2023 № 516¹ (предусматривающий интеграцию механизма управления спросом), постановлению Правительства Российской Федерации от 12.04.2024 № 461². Кроме того, были внесены изменения в регламенты оптового рынка электрической энергии.

Безусловно, с одной стороны есть положительные примеры реализации проектов в рамках Стратегии, с другой стороны, не обходится без отрицательного опыта – проект «Данные для роста – искусственный интеллект», который был завершен, не найдя свое отражение в практической и правотворческой плоскостях.

Вместе с тем, полагаем, что указание в документе стратегического планирования проектов, подлежащих реализации, позволяет сфокусировать и направить административный ресурс для достижения установленной цели. Такие проекты можно рассматривать в качестве «флагманов» с возможностью изменения нормативного ландшафта и практического дизайна отношений и взаимодействий между участниками рынка.

Заключение

Подводя итог нашим рассуждениям, сформулируем несколько утверждений:

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.11.2023 № 516-ФЗ // СЗ РФ. 06.11.2023. № 45, ст. 7987.

² О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации для определения основных положений, регулирующих оказание на оптовом рынке электрической энергии и мощности услуг по управлению изменением режима потребления: постановление Правительства РФ от 12.04.2024 № 461 // СЗ РФ. 15.04.2024. № 16, ст. 2245.

- полагаем необходимым синхронизацию государственной программы «Развитие энергетики» со Стратегией 2.0 по вопросам цифровой трансформации энергетического сектора. Указанный вопрос требует отдельного внимания в рамках государственной программы;
- предлагаем указать в Стратегии 2.0 в качестве «участников реализации» все уровни публичной власти, не ограничиваясь только федеральным;
- считаем необходимым «возвращение» в Стратегию 2.0 проектов, прорывного характера, разработанных на основе предложений организаций ТЭК, что позволит аккумулировать и эффективно направить административный ресурс на реализацию таких проектов.

Список литературы

1. Бабченко Е. Е., Сизганова Е. Ю., Южанников А. Ю. Сквозные цифровые технологии, реализуемые в рамках цифровизации современной энергетики // Материалы IV Всероссийской научно – технической конференции с международным участием. – 2024. – С. 19–24. EDN: QOHYPT.
2. Бурганов Р. А. Проблемы институционализации процесса цифровизации ТЭК // Сборник трудов VI Национальной научно – практической конференции «Приборостроение и автоматизированный электропривод в топливно – энергетическом комплексе и жилищно-коммунальном хозяйстве». – 2020. – Том № 2. – С. 107–109. EDN: SKLLZZ.
3. Вильданова М. М., Урманов Л. В. Цифровые технологии в энергетике // Право и бизнес. – 2019. – № 4. – С. 30–35. EDN: GLRZGX.
4. Гальберг Д. А. Развитие и внедрение цифровых технологий в энергетике // Научный лидер. – 2024. – № 51 (149). – С. 53–54. EDN: XBQMQE.
5. Головина Е. Ю., Кильметова Н. Ф., Полежаева А. А., Наумов К. Г., Пронина К. С. Цифровая трансформация топливно-энергетического сектора // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Байкальская наука: идеи, инновации, инвестиции». – 2023. – Том № 1. – С. 79–86. EDN: BCYNCHV.
6. Губин А. М. Цифровизация и публичное управление: специфика взаимодействия и пути развития // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4 (14). – С. 50–55. EDN: RXVRHM.
7. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовое регулирование обеспечения безопасности функционирования топливно-энергетического комплекса России в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1 (11). – С. 13–20. EDN: OENSRO.
8. Карцхия А. А. Технологический суверенитет и энергетическая безопасность // Предпринимательское право. – 2024. – № 1. – С. 39–44. EDN: AWSOVG.
9. Коледа С. А. Цифровые модели, как часть цифровизации ТЭК // Деловой журнал NEFTEGAZ.RU. – 2020. – № 6 (102). – С. 38–40. EDN: TTZFFD.

10. Лисовин Г. Б. Цифровизация как факто устойчивого развития ТЭК // Сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции «Энергетика будущего – цифровая трансформация». – 2022. – С. 25–29. EDN: TDMEPA.

11. Муни А. П., Озеров Н. А., Кульбякина А. В. Цифровизация ТЭК // Сборник трудов IV Международной научной конференции «Цифровая трансформация в энергетике». – 2023. – С. 56–57. EDN: NCFJWS.

12. Суслов Д. А. К вопросу выбора направлений цифровой трансформации ТЭК // Материалы 28 -й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления – 2023». – 2023. – С. 145–147. EDN: XMJTDI.

13. Хитрых Д. О цифровой трансформации энергетической отрасли // Энергетическая политика. – 2021. – № 10 (164). – С. 76–89. EDN: VJBYRY.

14. Шабуня В. В. Цифровые технологии как драйвер инновационного развития ТЭК. Проблемы и перспективы правового регулирования // Правовой энергетический форум. – 2021. – № 4. – С. 38–45. EDN: IIFTVZ.

15. Шондра О. И. Цифровые технологии в энергетике // Научный лидер. – 2021. – № 18 (20). – С. 58–60. EDN: AUWMKU.

References

1. Babchenko, E. E., Sizganova, E. Yu., Yuzhannikov, A. Yu. (2024) Skvoznye cifrovye tekhnologii, realizuemye v ramkah cifrovizatsii sovremennoj energetiki [End-to-end digital technologies implemented as part of the digitalization of modern energy]. *Materialy IV Vserossijskoj nauchno – tekhnicheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Materials of the IV All-Russian Scientific and Technical Conference with international participation]. Pp. 19–24. (In Russian). EDN: QOHYPT.

2. Burganov, R. A. (2020) Problemy institucionalizatsii processa cifrovizatsii TEK [Problems of institutionalization of the process of digitalization of the fuel and energy sector]. *Priborostroenie i avtomatizirovannyj elektroprivod v toplivno – energeticheskom komplekse i zhilishchno – kommunal'nom hozyajstve* [Instrument engineering and automated electric drive in the fuel and energy complex and housing and communal services]. Proceedings of the VI National Scientific and Practical Conference. No. 12. Pp. 107–109. (In Russian). EDN: CKLLZZ.

3. Vildanova, M. M., Urmanov, L. V. (2019) Cifrovye tekhnologii v energetike [Digital technologies in the energy sector]. *Pravo i biznes – Law and business*. No. 4. Pp. 30–35. (In Russian). EDN: GLRZGX.

4. Galberg, D. A. (2024) Razvitie i vnedrenie cifrovih tekhnologij v energetiku [Development and implementation of digital technologies in the energy sector]. *Nauchnyj lider – Scientific Leader*. No. 51 (149). Pp. 53–54. (In Russian). EDN: XBQMQE.

5. Golovina, E. Yu., Kilmetova, N. F., Polezhaeva, A. A., Naumov, K. G., Pronina, K. S. (2023) Cifrovaya transformatsiya toplivno – energeticheskogo sektora [Digital transformation of the fuel and energy sector]. *Bajkal'skaya nauka: idei, innovatsii, investicii* [Baikal Science: ideas, innovations, investments]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical conference. No. 1. Pp. 79–86. (In Russian). EDN: BGYHCV.

6. Gubin, A. M. (2021) Cifrovizatsiya i publichnoe upravlenie: specifika vzaimodejstviya i puti razvitiya [Digitalization and public administration: specifics of interaction and ways of development]. *Pravo i cifrovaya ekonomika – Law and the digital economy*. No. 4 (14). Pp. 50–55. (In Russian). EDN: RXVRHM.

7. Zhavoronkova, N. G., Shpakovsky, Yu. G. (2021) Pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti funkcionirovaniya toplivno – energeticheskogo kompleksa Rossii v usloviyah cifrovoy ekonomiki [Legal regulation of ensuring the safety of the functioning of the fuel and energy complex of Russia in the digital economy]. *Pravo i cifrovaya ekonomika – Law and the digital economy*. No. 1 (11). Pp. 13–20. (In Russian). EDN: OENSRO.

8. Kartskhiya, A. A. (2024) Tekhnologicheskij suverenitet i energeticheskaya bezopasnost' [Technological sovereignty and energy security]. *Predprinimatel'skoe parvo – Business law*. No. 1. Pp. 39–44. (In Russian). EDN: AWSOVC.
9. Koleda, S. A. (2020) Cifrovye modeli, kak chast' cifrovizacii TEK [Digital models as part of the digitalization of the fuel and energy sector]. *Delovoj zhurnal NEFT-EGAZ.RU – Business Magazine NEFTEGAZ.RU*. No. 6 (102). Pp. 38–40. (In Russian). EDN: TTZFFD.
10. Lisovin, G. B. (2022) Cifrovizaciya kak faktor ustojchivogo razvitiya TEK [Digitalization as a factor of sustainable development of the fuel and energy sector]. *Energetika budushchego – cifrovaya transformaciya*. Proceedings of the III All-Russian Scientific and practical conference. Pp. 25–29. (In Russian). EDN: TDMEPA.
11. Munin, A. P., Ozerov, N. A., Kulbyakina, A. V. (2023) Cifrovizaciya TEK [Digitalization of the fuel and energy sector]. *Cifrovaya transformaciya v energetike* [Digital Transformation in Energy]. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Pp. 56–57. (In Russian). EDN: NCFJWS.
12. Suslov, D. A. (2023) K voprosu vybora napravlenij cifrovoj transformacii TEK [On the issue of choosing the directions of digital transformation of the fuel and energy sector]. *Aktual'nye problemy upravleniya – 2023* [Actual problems of management – 2023]. Materials of the 28th International Scientific and Practical Conference. Pp. 145–147. (In Russian). EDN: XMJTDI.
13. Khitrykh, D (2021) O cifrovoj transformacii energeticheskoy otrasli [About the digital transformation of the energy industry]. *Energeticheskaya politika – Energy policy*. No. 10 (164). Pp. 76–89. (In Russian). EDN: BJBRY.
14. Shabunya, V. V. (2021) Cifrovye tekhnologii kak drajver innovacionnogo razvitiya TEK [Digital technologies as a driver of innovative development of the fuel and energy sector]. *Pravovoj energeticheskij forum – Legal Energy Forum*. No. 4. Pp. 38–45. (In Russian). EDN: IIFTVZ.
15. Shondra, O. I. (2021) Cifrovye tekhnologii v energetike [Digital technologies in the energy sector]. *Nauchnyj lider – Scientific Leader*. No. 18 (20). Pp. 58–60. (In Russian). EDN: AUWMKU.

Об авторе

Назаров Аслан Пахливанович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: apnazar@yandex.ru

About the author

Aslan P. Nazarov, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: apnazar@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.07.2024
Принята к публикации: 07.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 24 July 2024
Accepted: 07 August 2024
Published: 30 September 2024

Образовательная деятельности в СССР и РФ как системный элемент профессиональной подготовки государственных служащих

Л. А. Пасешникова¹, Г. Т. Ромашова²

¹ Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Осуществляется комплексный анализ систем советского и современного российского законодательства. Выделяются и характеризуются понятия и базовые принципы, характеризующие советскую и постсоветскую систему образования. Определяется место образовательной системы в механизме профессиональной подготовки государственных служащих.

Предлагается рассматривать систему национального образования как социально-культурологическую конструкцию, формирование и функционирование которой осуществляется под непосредственным воздействием процессов государственно-правового развития.

Сложившаяся в государстве система образования является важной составляющей механизма профессиональной подготовки государственных служащих. В современной России представляется возможным рассмотрение государственной службы в качестве самостоятельной профессии, подготовки к которой является профильным направлением учебной и воспитательной деятельности, в рамках которой вырабатываются специализированные профессиональные компетенции и формируется профессиональное правосознание.

Ключевые слова: система законодательства, образование, обучение, воспитание, государственная служба, государственный служащий, профессиональные компетенции.

Для цитирования: Пасешникова Л. А., Ромашова Г. Т. Образовательная деятельности в СССР и РФ как системный элемент профессиональной подготовки государственных служащих // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 34–52. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_34. EDN: ВJРQVB

Educational Activities in the USSR and the Russian Federation as a Systemic Element of Professional Training of Civil Servants

Larisa A. Paseshnikova¹, Galia T. Romashova²

¹ St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
Saint Petersburg, Russian Federation

² North-Western Institute of Management Russian Academy of National Economy and public
service at President of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

A comprehensive analysis of the systems of Soviet and modern Russian legislation is carried out. The concepts and basic principles characterizing the Soviet and post-Soviet education system are distinguished and characterized. The place of the educational system is determined in the mechanism of professional training of civil servants.

It is proposed to consider the system of national education as a socio-cultural structure of the formation and functioning of which is carried out under the direct impact of the processes of state legal development.

The educational system that has developed in the state is an important component of the mechanism of professional training of civil servants. In modern Russia, it is possible to consider public service as an independent profession, preparing for which is a specialized direction of educational and educational activities, within the framework of which specialized professional competencies are developed and professional legal consciousness is formed.

Key words: the system of legislation, education, training, education, public service, public servant, professional competencies.

For citation: Paseshnikova, L. A., Romashova, G. T. (2024) Obrazovatel'naya deyatel'nost' v SSSR i RF kak sistemnyj element professional'noj podgotovki gosudarstvennyh sluzhashchih [Educational Activities in the USSR and the Russian Federation as a Systemic Element of Professional Training of Civil Servants]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 34–52. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_34. EDN: BJPQVB

Введение

Актуальность проблематики, обозначенной названием статьи, обусловлена теоретической и практической значимостью поднимаемых авторами вопросов и решаемых задач.

Представляя собой вид профессиональной деятельности, базирующийся на законодательных положениях и принципах, образование является инструментом обучения и воспитания граждан. При этом в зависимости от того, каким образом выстраивается система национального законодательства и какие ценностные приоритеты закрепляются на законодательном уровне, изменяются как формальные, так и содержательные параметры организации и функционирования национальной образовательной системы.

Выделение в «тысячелетней» истории российской государственно-правовой системы трех циклических этапов (монархического, советского, постсоветского), позволяет говорить об особенностях структурирования национального законодательства в рамках обозначенных циклов; параметрах соотношения государственного (федерального) и регионального (субъектов Федерации) законодательства; законодательных положениях и принципах, положенных в основу организации и осуществления образовательной деятельности на соответствующих этапах отечественной государственно-правовой истории; месте и роли образования в системе профессиональной подготовки государственных служащих.

В качестве основных научных задач авторами определяются следующие исследовательские направления:

- выявление наиболее значимых особенностей структурирования систем и внутреннего взаимодействия внутренних элементов законодательных систем, положенных в основу советского социалистического и современного российского права;

- осуществление сравнительного анализа параметров, характеризующих советскую и постсоветскую образовательные системы;
- проведение сопоставления представлений о формальных и существенных характеристиках института государственной службы, с последующим анализом особенностей профессиональной подготовки государственных служащих в условиях выделенных циклических этапов отечественной истории.

Особенности структурирования систем национального законодательства в СССР и РФ

В ст. 67.1 Конституции РФ, закрепляется характеристика современной России в качестве правопреемника (правопродолжателя) СССР. Вместе с тем, сравнительный анализ названных государственно-правовых систем, позволяет говорить об их серьезных различиях. В частности, такие различия имеют место в структурировании систем национального законодательства.

Система национального законодательства Российской Федерации, образована по принципу «властной вертикали», в рамках которой «нижестоящие» законодательные акты, производны по своей форме и содержанию вышестоящим. При таком подходе региональное законодательство опирается на федеральное и выступает по отношению к нему в качестве «подзаконного», исполнительного документального массива.

Пример

В настоящее время, порядок организации и осуществления образовательной деятельности на общегосударственном уровне регламентирует Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В субъекте Федерации – городе федерального значения Санкт-Петербурге, вышеназванные вопросы ре-

гламентируются Законом Санкт-Петербурга от 17.07.2013 № 461–83 «Об образовании в Санкт-Петербурге». Сравнительный анализ этих законов, позволяет констатировать, что общие положения и принципы закрепляются федеральным законом, в то время как региональный закон, по сути своей лишь конкретизирует и адаптирует положения федерального закона применительно к региональной специфике, а также определяет условия их практической реализации в рамках, подведомственных субъекту Федерации, на территории которого расположены образовательные учреждения.

Такой подход применительно к модели советского федерализма был в большей степени характерен не для отраслевого, а для конституционного законодательства, основанного, в своей структурной композиции на традиции, в рамках которой региональные (союзных и автономных республик) конституции принимались в течение года, следовавшего за годом принятия союзной конституции, и в своей содержательной части дублировали основополагающие положения советской союзной конституции [1, с. 7–23].

Система советского отраслевого законодательства строилась по отличному от конституционного структурирования принципу. На общегосударственном уровне принимались не «федеральные законы (кодексы)», а основы отраслевого законодательства (гражданского, уголовного, образовательного и т. п.). В свою очередь союзные республики, имевшие конституционный статус советских социалистических государств, входивших в союзное государство и имевших право на свободный выход из него, принимали собственные отраслевые кодифицированные акты, на основании которых и осуществляли отраслевой правовое регулирование, в том числе в сфере регионального судопроизводства [6, с. 278–294]. Таким образом фе-

деральное и региональное законодательство носило унифицированный характер, причем в качестве субъектов федерации СССР фактически выступали только союзные республики. Что же касается государственного устройства РСФСР, то несмотря на конституционный статус «федерации», в реальности Советская Россия продолжала оставаться унитарным государством регионального типа (в подобном качестве аналогичная Российской империи), в котором административно-территориальные единицы (как национальные, так и политико-территориальные) фактическими субъектами не являлись, и собственного законодательства не имели.

Пример

В Союзе ССР на общегосударственном уровне «народное» образование регламентировалось Законом «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII. Аналогичные вопросы применительно к региональной специфике рассматривались в Законе РСФСР «О народном образовании» от 2 августа 1974 г. Сравнительный анализ отмеченных законов позволяет говорить об их фактическом дублировании, с весьма незначительными отличиями обусловленными региональными особенностями соответствующего субъекта советской федерации.

Сравнительно-культурологический анализ советского и современного российского законодательства об образовании

Рассмотрение советской и постсоветской государственно-правовых систем, как обособленных социально-культурных феноменов «цивилизационных циклов», предполагает различие в подходах как к пониманию

образовательной деятельности в целом, так и к определению средств и методов ее осуществления, в частности.

Прежде всего, следует обратить внимание на использование в наименовании советских законов об образовании уточняющего прилагательного «народное». Посредством конструкции «народное образование», законодатель подчеркивал общенародную природу советского государства, в котором в ходе социалистического строительства сформировалась новая историческая общность – советский народ, представленный трудящимися массами, соединенными в «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». В подобной интерпретации, «советскому народу» противопоставлялись граждане, занимающие «антинародную» позицию (тунеядцы, преступники, священнослужители и т. п.), которым не было места в «передовом отряде строителей коммунизма». Подобное противопоставление, пусть не гласно подтверждалось порядком личного обращения. По отношению к «правильным» и достойным уважения со стороны государства и общества индивидам использовалось слово «товарищ», в отношении лиц с неопределенным, либо негативным социально-правовым статусом – «гражданин».

В качестве целевой установки образовательной деятельности в советском государстве вышеназванный Закон РСФСР «О народном образовании», определяет «наиболее полное удовлетворение запросов советских граждан и потребностей развитого социалистического общества в образовании и коммунистическом воспитании подрастающего поколения, обеспечения народного хозяйства рабочими и специалистами соответствующей квалификации» (ст. 1). Следует обратить внимание на три важных обстоятельства. Во-первых, сочетание личной и общественной заинтересованности в получении образования. Во-вторых, на идеологической (коммунистиче-

ской) доминанте воспитательного процесса, и, наконец, в-третьих, на выделении приоритетного по отношению к другим направлениям образовательной деятельности места профессионально-технического образования, связанного с подготовкой рабочих, образующих главенствующий класс в социальной структуре общности советского народа [5, с. 100–104].

В качестве принципов «народного образования», закон в ст. 4 определял:

- равенство всех граждан СССР в получении образования;
- обязательность образования для всех детей и подростков;
- государственный... характер всех учебно-воспитательных учреждений;
- бесплатность всех видов образования, содержание части учащихся на полном государственном обеспечении, стипендиальное обеспечение учащихся и студентов;
- единство обучения и коммунистического воспитания;
- связь обучения и воспитания... с практикой коммунистического строительства;
- светский характер образования, исключающий влияние религии и др.

Содержательный анализ перечисленных принципов позволяет говорить о советской системе народного образования как о форме государственной деятельности, осуществляемой на безвозмездной для граждан основе, основанной на единстве обучающей и идеологическо-воспитательной составляющих, а также на научно-атеистической методологии.

В действующем федеральном законе «Об образовании» даётся следующая дефиниция: «Образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществ-

вляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ст. 2). В отличие от советского образования, направленного на «удовлетворение запросов советских граждан и потребностей развитого социалистического общества», современное российское образование объявляется «общественно значимым благом», осуществляемым в интересах «человека, семьи, общества, государства». Таким образом современную модель российского образования, следует рассматривать как деидеологизированную, ориентированную в своем функционировании прежде всего на человека как высшую конституционную ценность (ст. 2 Конституции РФ).

При рассмотрении принципов образовательной деятельности, получивших закрепление в действующем российском образовании, следует акцентировать внимание на следующих положениях:

- обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования;
- гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности...
- единство обучения и воспитания...
- научная обоснованность развития системы образования Российской Федерации с учетом ее исторического наследия, перспективных задач развития государства и общества и обеспечения благоприятных условий для взаимодействия с системами образования других госу-

дарств и международного сотрудничества в сфере образования на равноправной и взаимовыгодной основе;

- светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность;
- автономия образовательных организаций, академические права и свободы педагогических работников и обучающихся...;
- демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников, обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся на участие в управлении образовательными организациями;
- недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования;
- государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования и др. [8, с. 28–45]

Рассмотрение перечисленных принципов в контексте культурологического подхода к пониманию системы современного российского образования позволяет говорить о следующих характерных чертах, отличающих ее от советского аналога.

Право на образование является общечеловеческим конституционным правом, не подлежащим дискриминации.

Образовательная деятельность осуществляется на основании принципа государственного и частного партнерства, как на бесплатной, так и на платной основе. Ограничение либо устранение конкуренции не допускается.

Правовое регулирование в сфере образовательной деятельности осуществляется как на государственном (законодательном), так и на договорном уровнях.

В основу управления образованием положен принцип демократизма, предполагающий вовлеченность в управленческую деятельность наряду с администраци-

ей учебных заведений представителей профессорско-преподавательского состава, обучающихся и их родителей (законных представителей).

Светский характер образовательной деятельности является обязательным условием только для государственных и муниципальных организаций. Религиозное образование допускается на основании и в порядке, предусмотренном действующим законодательством.

Образовательные и организационно-правовые основы подготовки государственных служащих в СССР и РФ

Проведенный авторами сравнительный анализ советской и современной российской образовательных систем, позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных, существенным образом различающихся как по законодательным основаниям, так и по формально-субстанциональным характеристикам социально-культурологических конструкций.

Рассмотрение образовательной системы в контексте профессиональной подготовки государственных служащих, следует начать с понимания феноменов «государственная служба» и «государственный служащий». С учетом циклического подхода к генезису российской государственно-правовой системы, следует выделить три типа понимания государственной службы: монархический, советский, постсоветский.

В рамках монархической модели государственная служба по сути своей являлась формой служения одного человека – подданного –, другому – государю (монарху), и в таком понимании являлась в прямом смысле слова службой «государевой» [2, с. 222–226]. Должности государственной службы занимались преимущественно представителями господствующего класса (дворянского

сословия), присягнувших перед Богом на личную преданность царствующему Императору.

После революции 1917 г. сословное структурирование было отменено, однако в первых конституциях Советской России (1918, 1925 гг.), противопоставляются «трудящиеся» (бывшие «эксплуатируемые») и «нетрудовые элементы» (бывшие «эксплуататоры», а также лица, живущие за счет «нетрудовых» доходов). При этом на конституционном уровне определялось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7 Конституции РСФСР 1918 г.) [9, с. 90–96]. Наименование «государственный служащий» было выведено из официального оборота и заменено на «советский служащий». Такое изменение было обусловлено доминирующей в первые годы советской власти концепцией мировой революции, результатом которой должно стать «отмирание» государства как аппарата классового господства и социального принуждения с последующим объединением «трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (Конституция СССР 1924 г.). В отличие от «государственных служащих», являющихся «царскими приспешниками», выполняющими задачи по эксплуатации народных масс и подавлению народного недовольства, «советские служащие» являлись представителями трудового народа и занимались решением вопросов по обеспечению «власти народа» осуществляемой в форме Советов депутатов трудящихся, в которых главенствующее положение на всех этапах советского строительства занимали представители рабочего класса и колхозного крестьянства [4, с. 36–38].

Следует отметить, что и в Российской империи, и в Советской России отсутствовали специализированные образовательные заведения, осуществлявшие профессиональную подготовку, связанную с овладением компетенциями (теоретическими знаниями, практическими

умениями и навыками) в области организации и осуществления государственной службы.

В имперской образовательной системе функцию профессионального образования в данной области выполняли юридические факультеты императорских университетов, специализированные учебные заведения (училища правоведения), а также придворные структуры (пажеский корпус) [12, с. 39–58]. При этом в качестве особенности, следует обозначить гендерную проблему, суть которой заключалась в том, что на должности государственной службы могли претендовать только российские подданные мужского пола.

В Советской России было ликвидировано не только сословное, но и гендерное гражданское неравенство. Женщины, наряду с мужчинами получили равные политические права, в том числе право занимать должности в советском государственном аппарате. С учетом сложившейся в советской государственно-правовой системе политической диархии, предполагавшей наличие двух властных структур – советской и партийной, каждая из которых выступала от имени государства, а также принимая во внимание наличие «верных союзников государства» в лице армии и флота, советская государственная служба включала в себя в качестве самостоятельных направлений: военную, хозяйственную (гражданскую) и партийную. Соответственно система профессиональной служебной подготовки выстраивалась с учетом такого структурирования. Военнослужащих готовили специализированные военные училища и академии, хозяйственных служащих – гражданские институты, партийных – партийные школы, в системе которых особое место занимали высшие партийные школы [10, с. 129–133].

В условиях постсоветского периода кардинальным образом изменилось представление о системе пу-

бличной власти, что в свою очередь повлекло за собой трансформацию понимания государственной службы и организационно-правовые преобразования в сфере устройства и функционирования профессионального образования государственных служащих.

Восстановление института частной собственности и неразрывным образом связанного с ним частного предпринимательства, а также конституционное закрепление свободы труда (предполагающее как возможность трудиться, так и жить на не являющиеся противозаконными «не трудовые» доходы), обусловило отказ от понимания современного российского общества как «союза трудящихся». Переход от советского коммунистического «монопартизма» к плюралистической (многопартийной) системе (ч. 3 ст. 13), а также конституционный запрет «единой государственной идеологии» (ч. 2 ст. 13) повлекли за собой пересмотр понятийной характеристики «советского народа как нерушимого блока коммунистов и беспартийных» (И. В. Сталин, 9 февраля 1946 г.) и ее замену политическими абстракциями «многонациональный народ РФ» (ст. 3), «многонациональный союз равноправных народов РФ» (ст. 68), рамках которых к «народу» относятся все российские граждане, в том числе и те, которые в советской государственно-правовой системе рассматривались государством в качестве эксплуататоров и нетрудовых элементов. Соответственно в настоящее время формально равным доступом к государственной службе обладают все российские граждане, соответствующие общим требованиям к кандидатам на соответствующие должности [11, с. 25–29].

В современной России, а также в большинстве государств-членов СНГ, в образовательную систему были внедрены специализированные образовательные учреждения – Академии государственной службы при Президенте, в самом названии которых отражается главная

особенность постсоветской модели публичной власти, представляющей иерархизированную «вертикаль», замыкающуюся на главе государства – Президенте, выступающем одновременно и в качестве высшего должного лица и как высший орган государственной власти. Названные учебные заведения осуществляют подготовку государственных и муниципальных служащих в качестве самостоятельного направления профессиональной подготовки, а это в свою очередь позволяет говорить о самой государственной (муниципальной) службе как о самостоятельной профессии, с присущими ей профессиональными компетенциями, обучение которым является профильным направлением современного российского образования [7, с. 30–44; 3, с. 98–104].

Заключение

Система национального законодательства формируется и структурируется под воздействием процессов, характеризующих государственное устройство и функционирование в условиях определенного исторического цикла. Советское законодательство складывалось под воздействием политических процессов, связанных с возникновением, становлением и развитием государства «нового исторического типа» – советской социалистической республики (РСФСР, СССР). В качестве особенности структурирования советского законодательства следует выделять его двухуровневый характер. На федеральном уровне (Союза ССР) принимались «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик», на региональном (союзных республик) – отраслевые кодексы и специализированные законы, в содержательную часть которых «Основы» включались в качестве «общей части». В современном российском законодательстве безусловно доминирующее положение занимают федеральные

отраслевые кодексы и законы, по отношению к которым региональные законодательные акты, по сути, занимают «подзаконное» положение.

Советская и постсоветская образовательные системы отличаются друг от друга как по целевым, так и по содержательным установкам. В советской государственно-правовой системе акцентировалось внимание на «народной» природе образовательной деятельности. При этом советский народ воспринимался как «союз трудящихся, нерушимый блок коммунистов и беспартийных, в отношении которых приоритетом образовательной деятельности являлась профессиональная подготовка рабочих, а главной целью воспитания объявлялось – формирование «сознательного и инициативного строителя социализма и коммунизма». В современном российском образовании акцент делается на обучении и воспитании человека, безотносительно его политических предпочтений, материального и финансового положения. Воспитательный процесс, воспринимается законодателем в качестве приоритетной составляющей образовательной деятельности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, наиболее важной среди которых является патриотизм.

Система национального образования является важной составляющей механизма профессиональной подготовки государственных служащих. В рамках выделенных исторических циклов, авторы предлагают разграничивать понятия «государевы служащие», «советские служащие», государственные служащие. Для каждой из категорий, были характерны собственные представления об особенностях профессиональной подготовки кандидатов на должности в государственном аппарате. Особенностью постсоветского образования является выделение в качестве самостоятельного вида учебных заведений

Академий государственной службы при Президенте. Сам факт образования таких учреждений, равно как и появление самостоятельных направлений образовательной деятельности (Государственное управление и муниципальная служба), позволяют говорить о государственной службе как о самостоятельной профессии, подготовка к которой в настоящее время представляет профильное направление учебной и воспитательной деятельности.

Список литературы

1. Алехин А. Е., Ромайкин И. А. Советский федерализм как конституционно-правовой феномен // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 3. – С. 7–23.
2. Байкеева С. Е. Институт государственной службы в Российской империи: юридическая природа, сущность, кадровое обеспечение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4 (28–2). – С. 222–226.
3. Власюк И. В., Кравцова Ю. Е. Педагогические подходы к формированию профессиональной компетентности государственных служащих в системе дополнительного профессионального образования // Управление устойчивым развитием. – 2024. – № 1 (50). – С. 98–104.
4. Дорофеев А. В. Становление советской правовой доктрины о государственной службе // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 36–38.
5. Дударева О. К. Система народного образования в Советской России в 1920-е гг. и вопрос о религии // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 2 (40). – С. 100–104.
6. Кодан С. В. Свод законов СССР и своды законов союзных республик в обеспечении законодательного единства СССР (середина 1970-х – 1980-е гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 12. – С. 278–294.
7. Кострикина, И. С., Борщевский Г. А., Заболотских А. С. Высшее профессиональное образование в системе подготовки государственного гражданского служащего: проблемы и перспективы профессионализации личности // Социология образования. – 2012. – № 11. – С. 30–44.
8. Мионов А. В. Приоритетные принципы развития современного российского образования // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 6. – С. 28–45.
9. Пашенцев Д. А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (К 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. – 2018. – № 11. – С. 90–96.
10. Рябченко А. Г., Золотарева И. Д. Особенности партийного образования в СССР конца 1920-х – 1930-х гг // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – № 4 (28). – С. 129–133.
11. Толыпина И. В. Современный портрет государственного служащего // Тенденции развития науки и образования. – 2017. – № 31–1. – С. 25–29.
12. Чувардин Г. С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II // Научный диалог. – 2012. – № 4. – С. 39–58.

References

1. Alekhin, A. E., Romajkin, I. A. (2023) Sovetskij federalizm kak konstitucionno-pravovoj fenomen [Soviet federalism as a constitutional and legal phenomenon]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs – Historical and legal problems: a new perspective*. No. 3. Pp. 7–23. (In Russian).
2. Bajkeeva, S. E. (2005) Institut gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj imperii: yuridicheskaya priroda, sushchnost', kadrovoe obespechenie [Institute of Public Service in the Russian Empire: legal nature, essence, staffing]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (28–2). Pp. 222–226. (In Russian).
3. Vlasyuk, I. V., Kravcova, Yu. E. (2024) Pedagogicheskie podhody k formirovaniyu professional'noj kompetentnosti gosudarstvennyh sluzhashchih v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Pedagogical approaches to the formation of professional competence of civil servants in the system of additional professional education]. *Upravlenie ustojchivym razvitiem – Management of sustainable development*. No. 1 (50). Pp. 98–104. (In Russian).
4. Dorofeev, A. V. (2023) Stanovlenie sovetskoj pravovoj doktriny o gosudarstvennoj sluzhbe [The formation of the Soviet legal doctrine on public service]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the state: theory and practice*. No. 6 (222). Pp. 36–38. (In Russian).
5. Dudareva, O. K. (2013) Sistema narodnogo obrazovaniya v Sovetskoj Rossii v 1920-e gg. i vopros o religii [The system of public education in Soviet Russia in the 1920s and the question of religion]. *Servis v Rossii i za rubezhom – Service in Russia and abroad*. No. 2 (40). Pp. 100–104. (In Russian).
6. Kodan, S. V. (2022) Svod zakonov SSSR i svody zakonov soyuznyh respublik v obespechenii zakonodatel'nogo edinstva SSSR (seredina 1970-h – 1980-e gg.) [The Code of Laws of the USSR and the codes of laws of the Union Republics in ensuring the legislative unity of the USSR (mid-1970s – 1980s)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No. 12. Pp. 278–294. (In Russian).
7. Kostrikin, I. S., Borshchevskij, G. A., Zabolotskih, A. S. (2012) Vyshee professional'noe obrazovanie v sisteme podgotovki gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego: problemy i perspektivy professionalizacii lichnosti [Higher professional education in the system of training a state civil servant: problems and prospects of professionalization of personality]. *Sociologiya obrazovaniya – Sociology of education*. No. 11. Pp. 30–44 (In Russian).
8. Mironov, A. V. (2010) Prioritetnye principy razvitiya sovremennogo rossijskogo obrazovaniya [Priority principles of the development of modern Russian education]. *Social'no-gumanitarnye znaniya – Socio-humanitarian knowledge*. No. 6. Pp. 28–45. (In Russian).
9. Pashencev, D. A. (2018) Konstituciya RSFSR 1918 goda kak pamyatnik revolyucionnoj epohi (K 100-letiyu pervoj Rossijskoj Konstitucii) [The Constitution of the RSFSR of 1918 as a monument of the revolutionary era (To the 100th anniversary of the first Russian Constitution)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. No. 11. Pp. 90–96. (In Russian).
10. Ryabchenko, A. G. (2019) Osobennosti partijnogo obrazovaniya v SSSR konca 1920-h – 1930-h gg [Features of party education in the USSR in the late 1920s – 1930s]. *Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta – Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. No. 4 (28). Pp. 129–133. (In Russian).
11. Tolypina, I. V. (2017) Sovremennyj portret gosudarstvennogo sluzhashchego [Modern portrait of a civil servant]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education*. No. 31–1. Pp. 25–29. (In Russian).
12. Chuvardin, G. S. (2012) Pazheskij korpus kak elitoobrazuyushchaya struktura Rossijskoj imperii v period pravleniya imperatorov Aleksandra III – Nikolaya II [The

Page corps as the elite-forming structure of the Russian Empire during the reign of emperors Alexander III – Nicholas II]. *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. No. 4. Pp. 39–58. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Пасешникова Лариса Алексеевна, кандидат юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0007–0768–9583, e-mail: paseshnikova.larisa@mail.ru

Ромашова Галия Талгатовна, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0002–0069–8678, e-mail: 9515913@mail.ru

About the authors

Larisa A. Paseshnikova, Cand. Sci. (Law), Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0007–0768–9583, e-mail: paseshnikova.larisa@mail.ru

Galia T. Romashova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, North-Western Institute of Management Russian Academy of National Economy and public service at President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0002–0069–8678, e-mail: 9515913@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.07.2024
Принята к публикации: 19.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 31 July 2024
Accepted: 19 August 2024
Published: 30 September 2024

Теоретико-правовые основы реализации административно-правовых режимов в сфере обеспечения национальных интересов

А. А. Портнова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящей статье проанализированы теоретико-правовые основы реализации административно-правовых режимов в сфере обеспечения национальных интересов.

В статье проводится системный анализ юридической литературы, посвященной исследованию, а также формулируется понятие национальный интерес. Ключевым аспектом исследования является изучение актуальных угроз национальных интересов, а также способов обеспечения национальных интересов посредством реализации административно-правовых режимов.

Автором был сделан вывод, что при разработке правовой базы в области обеспечения национальных интересов необходимо учитывать весь комплекс проблем, оказывающих влияние на указанные направления.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, административно-правовой режим, специальный административно-правовой режим, угрозы национальных интересов, механизм обеспечения национальных интересов.

Для цитирования: Портнова А. А. Теоретико-правовые основы реализации административно-правовых режимов в сфере обеспечения национальных интересов // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 53–68. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_53. EDN: GIYHBF

Theoretical and Legal Foundations for the Implementation of Administrative Legal Regimes in the Field of Providing National Interests

Alena A. Portnova

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the study of the theoretical and legal foundations for the implementation of administrative and legal regimes in the sphere of ensuring national interests. The article provides a systematic analysis of the legal literature devoted to the research, and also formulates the concept of national interest. A key aspect of the study is the study of current threats to national interests, as well as ways to ensure national interests through the implementation of administrative and legal regimes. The author concluded that when developing a legal framework in the field of ensuring national interests, it is necessary to take into account the whole range of problems that influence these areas.

Key words: national security, national interests, administrative and legal regime, special administrative and legal regime, threats to national interests, mechanism for ensuring national interests.

For citation: Portnova, A. A. (2024) Teoretiko-pravovye osnovy realizatsii administrativno-pravovykh rezhimov v sfere obespecheniya natsional'nykh interesov [Theoretical and Legal Foundations for the Implementation of Administrative Legal Regimes in the Field of Providing National Interests]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 53–68. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_53, EDN: GIYHBF

Введение

Несмотря на то, что национальные интересы для науки сравнительно новый термин, данное понятие все чаще используется государственными деятелями и применяется в официальных документах разных уровней. Однако в настоящее время в правовой науке отсутствует полноценное общетеоретическое исследование национальных интересов, в том числе механизма обеспечения реализации посредством применения административно-правовых режимов.

Актуальная международная обстановка требует пристального анализа наиболее вероятных угроз безопасности национальным интересам Российской Федерации. Соответственно, необходимо теоретически разработать основные направления государственной политики в области обеспечения национальных интересов и апробировать их на практике.

Результаты

В своей работе, посвященной изучению таких понятий как «национальный интерес» и «национальная безопасность», Р. Р. Улитин под национальным интересом понимает объективно сформировавшуюся и согласующуюся с ценностями общества, потребность в наиболее благоприятных условиях для существования и развития общества, выраженную на официальном уровне [14, с. 131]. Р. С. Мухаметов дает определение, которое не противоречит предыдущему, но в котором отмечено, что национальные интересы – это именно исторически сложившаяся система потребностей общества, как у организованной группы людей, которые и представляют собой государство, и удовлетворение которых необходимо для обеспечения именно безопасного существования и стабильного

развития¹. Термин национальные интересы также нашел отражение в российском законодательстве: национальные интересы в Федеральном законе «О безопасности»² определены как совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и прогрессивное развитие человека, общества и государства. Можно сделать вывод, что в целом интерпретация национальных интересов в науке формально уже сложилась.

Сложность состоит именно в определении круга национальных интересов, так как национальные интересы по своему содержанию являются постоянно меняющейся категорией в зависимости от политической обстановки и экономических возможностей. К числу национальных интересов можно отнести первоочередность сохранения триады: суверенитет государства, территориальная целостность, а также конституционный строй. Сбережение народа Российской Федерации как на ее территории, так и за ее пределами, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни населения страны, а также укрепление духовно-нравственных ценностей, когда в полной мере будут учитываться культурно-исторические и национальные традиции населения [2, с. 256]. Особенно актуальным является защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия в информационном пространстве [10, с. 383]. В связи с проведением специальной военной операции к наиболее актуальным национальным интересам можно отнести поддержание стабильности и обеспечение безопасности регионов, прилегающих к границам проведения СВО.

На практике реализация теоретических представлений о защите национальных интересов, в первую очередь,

---

¹ Мухаметов Р. С. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: сущность и основные средства реализации: автореф. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2009. С. 10.

² О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.

связана с правовым регулированием управленческой деятельности органов государственной власти, их полномочиями использовать законные средства государственного принуждения при применении административно-правовых режимов в не только в обычных условиях, но и при возникновении особых ситуаций [11, с. 607].

В подтверждение настоящего высказывания хотелось бы указать мнение В. А. Колокольцева, который в своих научных работах пишет, что механизм обеспечения государственных интересов структурно включает в себя две части: механизм обеспечения безопасности и механизм реализации интересов в условиях отсутствия или нейтрализации угроз¹. Тут хотелось бы отметить, что в науке понятия государственные и национальные интересы часто употребляются как синонимы, что также является дискуссионным.

Реализация национальных интересов посредством административно-правовых режимов требует высокого качества законодательства, регулирующего настоящий институт, что включает в себя точность и определенность терминологии, оснований для введения, сроков действия, и основания для прекращения. Обеспечение и защита национальных интересов реализуется посредством концентрации усилий органов государственной власти, гражданского общества и организаций. Когда речь идет о защите национальных интересов, невозможно не упомянуть, что в соответствии с действующим законодательством под совокупностью условий, создающих возможность нанесения ущерба национальным интересам, понимается угроза национальной безопасности, что так же является актуальным для изучения.

В контексте обеспечения национальной безопасности на фоне политической, экономической и военной

---

¹ Колокольцев В. А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. С. 349.

нестабильности необходимо продолжить доктринальное изучение вопросов применения специальных административно-правовых режимов, которые применяются в случае чрезвычайных ситуаций для обеспечения безопасности и устойчивости системы государственного управления в чрезвычайных ситуациях [12].

За счет расширения свободных экономических зон с 1 июля 2024 года был установлен особый режим осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей¹. В связи с постоянно вводимыми санкциями, в целях обеспечения экономической безопасности для развития вновь присоединенных к России регионов остро стоит вопрос о формировании системы экономических интересов страны [6]. При введении особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности порядок государственного регулирования экономики осуществляется за счет расширения полномочий воздействия на субъекты экономической деятельности со стороны органов государственной власти, а также применяется специальная система нормативно-правового регулирования.

Для устойчивого развития национальной экономики в первую очередь необходима стабильная национальная валюта, и экономические рельсы должны опираться на внутренний спрос как на основной источник роста. Экономические отношения меняются буквально на глазах, а именно, в наиболее выигрышной позиции находятся страны, богатые ресурсами и с открытой экономикой, прозрачными международными экономическими отношениями, в то время как теряют позиции страны, большую часть экономики которых составляет деятельность,

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»: федер. закон от 22.06.2024 № 147-ФЗ.

направленная на оказание услуг. А Российская Федерация имеет огромный потенциал, связанный с внутренними факторами развития и природными ресурсами. Не стоит упускать из вида необходимость ориентироваться на продукцию отечественных производителей, так как практика привязки денежного предложения к внешним источникам уже не эффективна.

Стремление Российской Федерации к использованию национальных валют во внешнеторговых расчетах, в том числе переход на национальные валюты при расчете за энергоресурсы, связано с обострением глобальной геополитической ситуации. Укрепление позиций российского рубля за последние годы произошло в основном в двусторонних сделках с российскими участниками и в рамках интеграционных блоков, в которых состоит Россия. Так, например, 20 июня 2024 года президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин провел переговоры с вьетнамским лидером в Ханое, на которых лидеры пришли к соглашению о наращивании двустороннего сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Они также договорились не вступать в союзы друг против друга, а Россия готова наладить долгосрочные прямые поставки во Вьетнам углеводородов, а также переходят на расчеты в национальных валютах.

Необходимо принимать меры по устранению барьеров, возникающих при осуществлении расчетов в национальных валютах для обеспечения беспрепятственного проведения стандартных расчетов между юридическими и физическими лицами государств-союзников. На практике необходимо устранить существующие законодательные барьеры для участников внешнеэкономической деятельности, которые препятствуют эффективной работе за счет внесения соответствующих дополнений и изменений в подписанные ранее международные соглашения.

Продолжается продвижение военной инфраструктуры блока НАТО к границам Российской Федерации, что значительно увеличивает досягаемость его тактической ударной авиацией стратегических целей нашей страны [8]. В связи с этим, необходимо изменить военную доктрину государства и уточнить условия применения тактического ядерного оружия в ответ на возможную агрессию, чтобы продемонстрировать свою полную решимость в защите своей территории, своего народа и своего будущего. На восточном направлении необходимо проводить работу по сглаживанию озабоченности соседей относительно своей безопасности в контексте «возможной» агрессии со стороны нашей страны.

В настоящее время арктическая тематика становится одной из главных для теоретического осмысления, которой посвящены конференции. В странах, граничащих с Северным Ледовитым океаном, разрабатываются и принимаются стратегические документы, нацеленные на реализацию национальных интересов в отношении Арктики. Вполне обоснованно полагать, что данный вопрос является потенциальной возможностью для возникновения противоречий между странами, а российская арктическая программа является важнейшим стратегическим национальным интересом.

23 июня 2024 года в Севастополе был введен режим чрезвычайной ситуации регионального характера, возникшей вследствие обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины, и при пресечении указанных действий правомерными действиями Вооруженных сил Российской Федерации¹. В ЕС после начала российской СВО приняли решение финансировать военные поставки Украине для чего был специально создан Евро-

---

¹ Указ Губернатора города Севастополя от 23.06.2024 № 72-УГ [Электронный ресурс] // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. URL: <https://sev.gov.ru/docs/257/214520/> (дата обращения: 24.06.2024).

пейский фонд мира, занимающийся финансированием поставок вооружений и военного оборудования Украине. Значительные субсидии Украине также предоставили Великобритания, Германия, Норвегия. Такие страны, как Франция, Япония, Канада, осуществляли военную помощь Киеву в основном за счет своих займов, подлежащих последующему возмещению [3, с. 81].

Необходимо и дальше прорабатывать механизмы противодействия финансированию террористической деятельности. Разработать механизм применения санкций против стран-спонсоров террористических акций со стороны Украины, именуемых в законодательстве специальными экономическими мерами [7, с. 101]. Не секрет, что противоборствующие нам страны вводят санкции, чтобы экономически «выбить нас из седла». Так, например, в качестве контрсанкции можно ограничить экспорт минеральных удобрений для дестабилизации продовольственного рынка из-за роста цен на продукты питания. Также Европа приобретает у нас палладий для производства автокатализаторов, а ограничение экспорта палладия, который используется, ударит по европейскому автомобилестроению, так как при «зеленой повестке» без катализаторов для очистки выхлопных газов не обойтись. Необходимо продолжить работу над системой мер превентивного характера, а также провести оценку допустимых форм применения подобных мер [4, с. 216].

С развитием уровня информационно-технологического развития общества, появились новые уязвимые места для проведения любых диверсионных акций. Министерством внутренних дел Российской Федерации были зафиксированы случаи применения новой тактики мошеннических действий с вовлечением россиян в диверсионную деятельность против государства. Основным средством вербовки стали социальные сети и мессен-

джеры. В условиях проведения специальной военной операции противник применяет все доступные способы дестабилизации обстановки внутри страны.

В связи с этим, не стоит игнорировать опыт, полученный в девяностых и начале двухтысячных на Северном Кавказе, когда действовали террористические радикальные организации в целях вербовки российских граждан для совершения терактов. Необходимо разрабатывать эффективные меры по противодействию со стороны российской общественности и властей, и стоило бы начать с нормативно-правовой базы. Так уже не первый год обсуждается необходимость создания «цифрового кодекса», так как уже сейчас существует больше десятка федеральных законов в этой области, и эти законы объемны, разрозненны и не систематизированы. Их необходимо приводить к соответствию, в первую очередь понятийный аппарат нуждается в уточнении. Остро стоит задача разработки эффективных технических средств противодействия интернет терроризма.

Существенным, на наш взгляд, является понимание действия в интересах общества, государства и граждан, а также действий, противоречащих этим интересам. В 2022 году был принят Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»¹. Под иностранным влиянием понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами. Под поддержкой понимается предоставление лицу иностранным источником денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание лицу иностранным источником организационно-методической, научно-технической помощи, помощи в иных формах.

---

¹ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // СЗ РФ, 18.07.2022, № 29 (часть II), ст. 5222.

Так вопрос принятия и реализации решений в политике часто становится объектом научных исследований, в то время как вопрос о непопулярных решениях на государственном уровне ученые чаще обходят стороной. В настоящем вопросе никак не обойтись без базисных ценностных ориентиров – национальных интересов. Такое явление как принятие непопулярных решений, направленных либо на удовлетворение интересов некоторой группы лиц, идущих в разрез с национальными интересами, либо изначально не ориентированные и противоречащие интересам страны. Необходимо предусмотреть понятие противоправной деятельности лица, которая противоречит национальным интересам Российской Федерации.

Государство несет обязательство по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Настоящий вопрос регламентирует Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹, предусматривающий право вводить карантин и режим повышенной готовности [9, с. 147–152]. В настоящее время достижения в области биологических наук и биотехнологии привели к появлению новых угроз, которые бросают вызов существующим представлениям о биологических угрозах и биологическом оружии [13, с. 308–318]. Так, развитие биологических технологий и эволюция патогенов сегодня могут быть нацелены на конкретную расу, на людей с определенными генетическими маркерами либо на носителей отдельных геномов, что явно является угрозой национальных интересов [1, с. 140–144].

Проблематика имеет высокую степень актуальности и требует пристального внимания в исследованиях со-

---

¹ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ, 05.04.1999, № 14, ст. 1650.

временной науке. Разработанные ранее методические рекомендации по расследованию данного вида преступлений нуждаются в обновлении и переосмыслении. На наш взгляд, необходимо продолжить разработку способов эколого-эпидемиологического мониторинга патогенов с учетом меняющихся условий окружающей среды, не игнорируя при этом опыт других стран в данной области.

Заключение

Приведенное исследование позволяет сделать вывод, что категория «национальные интересы» является основополагающим ориентиром, реализация которого обеспечивает развитие страны. Несмотря на важность настоящего феномена, концепция национальных интересов нуждается в фундаментальном уточнении с учетом актуальных изменений в геополитике, вызванных процессами формирования нового мирового порядка. Геополитические изменения, происходящие в настоящее время, также требуют пристального внимания для понимания наиболее вероятных угроз препятствующих реализации национальных интересов Российской Федерации [5], необходимо разработать систему национально-правовых средств превентивного характера.

Остро стоит проблема проведения диверсионных акций и вовлечение граждан Российской Федерации в противоправную деятельность. Необходимо разрабатывать эффективные меры по противодействию со стороны российской общественности и властей, и стоило бы начать с нормативно-правовой базы. разработки эффективных технических средств противодействия интернет терроризма. Необходимо повышать осведомленность граждан о методах работы вербовщиков, вести целенаправленную работу по контрпропаганде.

В связи с усилением роли национальной валюты на международном валютном рынке необходимо предпринять меры по устранению существующих законодательных, административных и финансово-экономических барьеров, препятствующих эффективной работе участников внешнеэкономической деятельности. В вопросах появления все новых вызовов в связи с развитием биологических технологий и эволюция патогенов необходимо разрабатывать современные способы мониторинга вирусных патогенов, разработать систему эколого-эпидемиологического мониторинга вирусов в окружающей среде. Существенным, на наш взгляд, является изучение понимания действий в интересах общества, государства и граждан, а также действий, противоречащих этим интересам. Арктический вопрос также остается не закрытым как потенциальный повод для международных конфликтов.

Список литературы

1. Бернадотт А. К. Биологические угрозы: биотерроризм как одно из новых направлений в будущих войнах // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 18–19 декабря 2019 года. – Выпуск 3. Часть 1. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 140–144. EDN MUOCDI.
2. Белоусов В. П. Конституционные реформы и правовые основы местного самоуправления в странах СНГ в 2020–2023 гг.: новации или стремление закрепить существующее положение // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8. – С. 252–256. EDN WCWNPO.
3. Бубнова Н. И. Военная помощь США и других западных стран Украине после начала российской специальной военной операции // Россия и современный мир. – 2023. – № 2 (119). – С. 79–105. – DOI 10.31249/rsm/2023.02.06. EDN HWZQQG.
4. Губина М. А. Специальные защитные меры как инструмент политики импортозамещения: зарубежный опыт и перспективы России // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 2. – С. 131–145.
5. Касюк А. Я. Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 1. – С. 25–34. EDN UAUGXP.
6. Лещенко Ю. Г. Национальные интересы в контексте обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальной интеграции:

эволюционно-теоретический аспект // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – № 4. – С. 2375–2390. DOI: 10.18334/vines.10.4.110815.

7. Львова Л. Н. Совершенствование санкционного законодательства Российской Федерации в целях повышения эффективности обеспечения экономической безопасности // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4 (50). – С. 101–105. EDN XUZLTO.

8. Миронова Д. С. Трансформация НАТО и интересы России // Россия и современный мир. – 2016. – № 1 (90). – С. 183–193. EDN VZKQKH.

9. Портнова А. А. Некоторые правонарушения, совершаемые в условиях распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Правовое поведение: классические и современные модели: Сборник научных трудов. – М.: Саратовский источник, 2022. – С. 14. EDN ASQLXW.

10. Портнова, А. А., Маюров Н. П. Актуальные аспекты изучения угроз национальной безопасности // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: Сборник научных трудов VI Национальной научно-практической конференции 22 декабря 2022 г., Санкт-Петербург, 22 декабря 2022 года. – СПб.: Поволжская научная корпорация, 2022. – С. 380–388. EDN IPOAEO.

11. Портнова, А. А., Турова В. Е. Общественная безопасность как объект специальных административно-правовых режимов на современном этапе // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 4 (57). – С. 26–33. EDN YZWGIV.

12. Портнова, А. А., Маюров Н. П. Организация государственного управления в условиях действия специальных (экстраординарных) административно-правовых режимов Российской Федерации // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сборник научных трудов V Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2022. – С. 607–616. EDN QMYGVO.

13. Поклонский, Д. Л. Научно-технические достижения как актуальные вызовы режиму нераспространения биологического оружия // Вестник войск РХБ защиты. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 308–318. – DOI 10.35825/2587–5728–2023–7–4–308–318. EDN DMOULL.

14. Улитин Р. Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 131.

References

1. Bernadotte, A. K. (2020) Biologicheskie ugrozy: bioterrorizm kak odno iz novykh napravlenij v budushchih vojnah [Biological threats: bioterrorism as one of the new trends in future wars]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: development, security, cooperation]. *Yearbook: materials of the XIX National Scientific Conference with International Participation, Moscow, 18–December 19, 2019*. Issue 3. Part 1. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Pp. 140–144. (In Russian). EDN MUOCDI.

2. Belousov, V. P. (2023) Konstitucionnye reformy i pravovye osnovy mestnogo samoupravleniya v stranah SNG v 2020–2023 gg.: novacii ili stremlenie zakreplit' sushchestvuyushchee polozhenie [Constitutional reforms and legal foundations of local self-government in the CIS countries in 2020–2023: innovations or the desire to consolidate the existing situation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*. No. 8. Pp. 252–256. (In Russian). EDN WCWNPO.

3. Bubnova, N. I. (2023) Konstitucionnyye reformy i pravovyye osnovy mestnogo samoupravleniya v stranah SNG v 2020–2023 gg.: novacii ili stremlenie zakreplit' sushchestvuyushchee polozhenie [Military assistance from the United States and other Western countries to Ukraine after the start of the Russian special military operation]. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the modern world*. No. 2 (119). Pp. 79–105. DOI 10.31249/rsm/2023.02.06. (In Russian). EDN HWZQQC.
4. Gubina, M. A. (2016) Special'nye zashchitnye mery kak instrument politiki importozameshcheniya: zarubezhnyy opyt i perspektivy Rossii [Special protective measures as an instrument of import substitution policy: foreign experience and prospects for Russia]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika – Economic analysis: theory and practice*. No. 2. Pp. 131–145. (In Russian).
5. Kasyuk, A. Ya. (2015) Vneshnie ugrozy nacional'noj bezopashnosti Rossijskoj Federacii i perspektivy ih nejtralizacii [External threats to the national security of the Russian Federation and prospects for their neutralization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Episode 12: Political Science*. No. 1. Pp. 25–34. (In Russian). EDN UAUQXP.
6. Leshchenko, Yu. G. (2020) Nacional'nye interesy v kontekste obespecheniya ekonomicheskoy bezopashnosti gosudarstva v usloviyah global'noj integracii: evolyucionno-teoreticheskij aspekt [National interests in the context of ensuring the economic security of the state in the context of global integration: an evolutionary theoretical aspect]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki – Issues of innovative economics*. No. 4. Pp. 2375–2390. (In Russian). DOI: 10.18334/vinec.10.4.110815.
7. Lvova, L. N. (2022) Sovershenstvovanie sankcionnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v celyah povysheniya effektivnosti obespecheniya ekonomicheskoy bezopashnosti [Improving the sanctions legislation of the Russian Federation in order to increase the efficiency of ensuring economic security]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. – Bulletin of the Russian University of Cooperation*. No. 4 (50). Pp. 101–105. (In Russian). EDN XUZLTO.
8. Mironova, D. S. (2016) Transformaciya NATO i interesy Rossii [Transformation of NATO and the interests of Russia]. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the modern world*. No. 1 (90). Pp. 183–193. (In Russian). EDN VZKGKH.
9. Portnova, A. A. (2022) Nekotorye pravonarusheniya, sovershaemye v usloviyah rasprostraneniya pandemii koronavirusnoj infekcii COVID-19 [Some offenses committed during the spread of the coronavirus infection COVID-19 pandemic]. *Pravovoe povedenie: klassicheskie i sovremennyye modeli* [Legal behavior: classical and modern models]. Collection of scientific papers. Moscow: Publishing house "Saratov source". P. 14. (In Russian). EDN ASQLXW.
10. Portnova, A. A. (2022) Aktual'nye aspekty izucheniya ugroz nacional'noj bezopashnosti [Current aspects of studying threats to national security]. *Organy gosudarstvennoj vlasti v sisteme pravozashchitnoj deyatel'nosti na sovremennom etape* [State authorities in the system of human rights activities at the present stage]. Collection of scientific papers of the VI National Scientific and Practical Conference December 22, 2022, St. Petersburg, December 22, 2022. St. Petersburg: Volga Scientific Corporation. Pp. 380–388. (In Russian). EDN IPOAEO.
11. Portnova, A. A. (2022) Obshchestvennaya bezopashnost' kak ob'ekt special'nyh administrativno-pravovyh rezhimov na sovremennom etape [Public security as an object of special administrative and legal regimes at the present stage]. *Pravo. Bezopashnost'. Chrezvychajnye situacii – Law. Safety. Emergencies*. No. 4 (57). Pp. 26–33. (In Russian). EDN YZWGIV.
12. Portnova, A. A. (2022) Organizaciya gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah dejstviya special'nyh (ekstraordinarnykh) administrativno-pravovyh rezhimov Rossijskoj Federacii [Organization of public administration under the conditions of special (extraordinary) administrative and legal regimes of the Russian Federation]. *Organy gosudarstvennoj vlasti v sisteme pravozashchitnoj deyatel'nosti na*

sovremennom etape [State authorities in the system of human rights activities at the present stage]. Collection scientific works of the V National Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 20, 2021. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. Pp. 607–616. (In Russian). EDN QMYGVO.

13. Poklonsky, D. L. (2023) Nauchno-tehnicheskie dostizheniya kak aktual'nye vyzovy rezhimu nerasprostraneniya biologicheskogo oruzhiya [Scientific and technical achievements as current challenges to the regime of non-proliferation of biological weapons]. *Vestnik vojsk RHB zashchity – Bulletin of the Russian Chemical Defense Forces*. Vol. 7, No. 4. Pp. 308–318. (In Russian). EDN DMOULL.

14. Ulitin, P. P. (2003) Sootnoshenie ponyatij «nacional'nyj interes» i «nacional'naya bezopasnost'» v trudah zapadnyh i otechestvennyh issledovatelej [The relationship between the concepts of “national interest” and “national security” in the works of Western and domestic researchers]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod State University*. N. I. Lobachevsky. No. 1. P. 131. (In Russian).

Об авторе

Портнова Алена Андреевна, аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0001–9123–5520, e-mail: lienalau@yandex.ru

About the author

Alena A. Portnova, postgraduate student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0001–9123–5520, e-mail: lienalau@yandex.ru

Поступила в редакцию: 09.07.2024
Принята к публикации: 01.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 09 July 2024
Accepted: 01 August 2024
Published: 30 September 2024

Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма

М. Р. Ромашова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

Предлагается рассматривать конституционное правопонимание в качестве институционального элемента системы конституционного права, в содержании которого объединены конституционная феноменология, конституционная онтология и конституционная аксиология.

Возникновение и развитие конституционного правопонимания непосредственным образом связано с циклогенезом российской государственно-правовой системы, предполагающим выделение трех автономных исторических циклов: имперского, советского, постсоветского.

В контексте российского федерализма конституционное правопонимание подразделяется на монистическое и плюралистическое; общегосударственное (федеральное) и региональное (субъектов Федерации). Сопоставительный анализ названных типов, позволяет рассматривать общенациональное конституционное правопонимание в качестве идейной основы социально-культурной общности «русского мира».

Ключевые слова: конституция, «живая» конституция, Конституционное правопонимание, исторический циклогенез, государственно-правовая система, регионализм, федерализм.

Для цитирования: Ромашова М. Р. Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 69–91. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element of Russian Federalism

Maria R. Pomashova

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

It is proposed to consider constitutional legal understanding as an institutional element of the constitutional law system, the content of which combines constitutional phenomenology, constitutional ontology and constitutional axiology.

The emergence and development of constitutional legal understanding is directly related to the cyclogenesis of the Russian state and legal system, which involves the identification of three autonomous historical cycles: imperial, Soviet, post-Soviet.

In the context of Russian federalism, constitutional legal understanding is divided into monistic and pluralistic; national (federal) and regional (subjects of the federation). A comparative analysis of these types allows us to consider the national constitutional legal understanding as the ideological basis of the socio-cultural community of the "Russian world".

Key words: constitution, "living" constitution, constitutional legal understanding, historical cyclogenesis, state and legal system, regionalism, federalism.

For citation: Romashova, M. R. (2024) Konstitutsionnoe pravoponimanie kak sistemnyy element rossiyskogo federalizma [Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element of Russian Federalism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 69–91. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

Введение

Проблемные аспекты, связанные с конституционным правопониманием, вплоть до последнего времени не являлись предметом внимания ни со стороны теоретиков права, ни со стороны конституционалистов. Вместе с тем, несмотря на то, что сами понятия конституции, конституционализма, конституционного строя относятся к числу постоянно употребляемых как в юридической науке, так и в практике правотворческой и правореализационной, их понимание в качестве общеправовых и отраслевых категорий продолжает носить неоднозначный характер, что обуславливает необходимость проведения самостоятельных научных исследований в данной области и объясняет выбор заявленной темы.

В качестве объекта исследования определены общественные отношения в сфере конституционного права, связанные с формированием конституции и определением ее места как в системе национального законодательства, так и в ценностной парадигме, формирующейся в государстве на определенном этапе его исторического развития.

В качестве цели задающей направленность подготовленной статьи автором определен комплексный теоретико-отраслевой анализ конституционного правопонимания в контексте российского федерализма, который предлагается рассматривать на основании метода циклического политогенеза, в соответствии с которым в истории российской государственности следует разграничивать три самостоятельных цикла: имперский регионализм, советский федерализм, постсоветский федерализм. В рамках каждого из выделенных циклов, происходят качественные изменения формы и содержания государственного устройства, а это, в свою очередь, оказывает значимое влияние на конституционное правопонимание.

Достижение поставленной цели обусловило постановку ряда научно-исследовательских задач:

- провести феноменологический анализ конституционного правопонимания;
- выделить и охарактеризовать особенности конституционной онтологии и конституционной аксиологии;
- исследовать исторические этапы становления и развития конституционного правопонимания с учетом циклического генезиса российской государственно-правовой системы;
- установить связь национального конституционного правопонимания и федерализма;
- определить формальные параметры и содержательные особенности конституционного правопонимания в условиях советского и современного российского федерализма;
- показать специфику регионального конституционного правопонимания и сформулировать рекомендации по его оптимизации в обозримой исторической перспективе.

В качестве методологической основы исследования автором избраны методы межотраслевого синтеза и циклического политогенеза. Эти методы позволяют, во-первых, объединить достижения общей теории права и отраслевой юридической науки, а во-вторых, показать специфику конституционного правопонимания в условиях как завершенных исторических циклов (имперской и советской России), так и на современном этапе Российской государственно-правовой системы, в качестве одного из концептуальных оснований которой предлагается рассматривать современный российский федерализм.

Феноменология конституционного правопонимания

Термин правопонимание может использоваться как для обозначения динамического процесса интеллектуальной деятельности человека, направленного на познание

права, так и на полученный в ходе этой деятельности результат, отражающий уровень постижения правовой реальности и оценочное отношение к нему как целостному формально-юридическому и социально-культурному феномену, объективно существующему в определенных исторических условиях [5, с. 378–389].

Осуществленный анализ научных подходов к типологии правопонимания в зарубежной и отечественной юридической литературе, позволяет говорить о том, что авторы – разработчики классических (традиционных) типов понимания права – в своем творчестве были непосредственным образом связаны с современной им исторической эпохой, которая, в свою очередь детерминировала форму и содержание национальной государственно-правовой системы, в рамках которой создавалась та или иная теоретическая модель правопонимания [10, с. 8]. Так для феодального монархического государства (королевства, княжества), традиционным считался патримониальный подход, в рамках которого государство в целом и право как инструмент государственной организации и управления, в частности, выступали в качестве объектов владения, пользования, распоряжения со стороны главы государства – царствующего монарха. Эпоха буржуазных революций, выдвинула на политическую авансцену представителей «третьего сословия» – буржуазии, идейно-теоретической базой которых являлись теории общественного договора и естественного права, в соответствии с которыми государство – это не собственность государя, а результат соглашения свободных граждан, являющихся носителями неотчуждаемых, возникающих у них с рождения прав и свобод, сам факт существования и объем которых определялся не волей монарха и непосредственным образом зависимой от него со-

словной аристократии, а природными закономерностями либо Божественным провидением. Практическим воплощением названных теорий стала североамериканская федерация штатов, для которых Конституция 1787 г. являлась одновременно и новым видом государственных законов – кодифицированным нормативно-правовым актом наделенным высшей юридической силой и прямым действием, и своего рода союзным договором, с ратификацией которого непосредственным образом связывалось вхождение соответствующего штата в единое федеративное государство [7, с. 38–40]. Именно с буржуазными политико-правовыми преобразованиями следует связывать факт юридического оформления основного государственного закона – конституции, а также возникновение конституционного правопонимания представляющего собой системный отраслевой фрагмент общей теории правопонимания, в рамках которого вырабатывается и закрепляется как на теоретико-концептуальном уровне, так и в практической юридической деятельности субъективное отношение к пониманию и структурированию государственного (конституционного) права в целом и конституции в частности [3, с. 140–145; 4, с. 19–35].

Российская социалистическая революция 1917 г., обусловила возникновение советской социалистической государственно-правовой системы, в структуру которой были экстраполированы юридические формы буржуазной демократии (конституция, демократия, представительное правление, гражданское равенство и т. п.), которые были наполнены собственным, качественно отличным от аутентичного, смысловым содержанием.

В условиях социалистической правовой системы, конституционное правопонимание носило сугубо нор-

мативистский характер, в рамках которого право в целом и конституция, в частности, рассматривались как «возведенные в закон» волевые установки господствующих классов, к числу которых в государстве нового исторического типа относились рабочий класс и колхозное крестьянство, представители которых занимали наибольшее по численности место и в КПСС – «руководящей и направляющей силе советского общества» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) и в органах народного представительства (разноуровневых советах народных депутатов).

В современной России утратил актуальность формационный подход к дифференциации государственно-правовых систем, что обусловило отказ от разделения конституций на «монархические», «буржуазные», «социалистические». На смену «классовому» государству, пришло «правовое», в котором конституция выступает не как «послушный инструмент» государства, которое оперирует им в рамках «государственного права», а в качестве реального «основного» закона, положения которого в равной степени обязательны и для граждан, и для самого государства, представленного органами и должностными лицами аппарата «единой системы публичной власти».

В настоящее время конституционное правопонимание представляет отраслевое институциональное формирование, объединяющее специализированные нормы (дефиниции, принципы, цели, ценности), в которых отражается отношение к самой конституции со стороны общества и государственной власти, а также определяют конституционные ценности, характеризующие современное (по отношению к определенному историческому этапу/циклу) состояние российской государственно-правовой системы и задающие целеполагания ее развития в перспективном будущем.

Онтологические и аксиологические основания конституционного правопонимания

Конституционная онтология представляет совокупность нормативных источников посредством которых осуществляется внешнее выражение (формализация) как самой конституции, так и закрепленных в ней конституционных положений и принципов, а также вырабатывается концептуальное представление о конституции как о самостоятельном виде нормативных правовых актов («основном» законе) занимающих особое место в системе национального законодательства и вместе с тем, как о базовом основании всей государственно-правовой системы на определенном историческом этапе ее развития.

С точки зрения конституционной онтологии предлагается разграничивать два подхода к пониманию конституции: монистический и плюралистический. В рамках *монистического* подхода конституция представляет собой самостоятельный нормативно-правовой акт, изданный в порядке особой процедуры и обладающий высшей юридической силой по отношению к другим формальным источникам национального права условием принятия и наделения юридической силой которых является соответствие действующей конституции. Конституционный монизм занимает безусловное доминирующее положение в национальном конституционном правопонимании большинства государственно-правовых систем современного мира. *Плюралистический* подход предполагает рассмотрение конституции в качестве собирательного формирования, образованного совокупностью формальных источников, каждый из которых являясь структурным элементом национальной конституции не утрачивает самостоятельного юридического значения. Наиболее известным примером подобного восприятия является Конституция Великобритании, по факту представляющая

собой собрание статутов, прецедентов, обычаев, регламентирующих порядок организации и функционирования органов государственной власти, закрепляющих базовые принципы их взаимодействия как друг с другом, так и с институтами гражданского общества.

Онтологический анализ современного российского конституционного правопонимания, с одной стороны, позволяет говорить о нем как о монистическом, определяющем конституцию как писаный (выраженный в статичной документальной форме) нормативно-правовой акт (закон), изменения в который (за исключением положений глав 1, 2, 9) вносятся в порядке, предусмотренном для издания федеральных конституционных законов (ст. 136 Конституции РФ). Вместе с тем, с другой стороны, в рамках концепции «живой конституции», высказывается и проводится в жизнь идея, в соответствии с которой к формальным источникам конституционного права относится как сама конституция (представленная единой документальной формой), так и вносящие в ее текст (в том числе в положения глав 1, 2, 9) смысловую коррекцию нормативные интерпретационные акты Конституционного суда Российской Федерации, которые не являясь конституцией по форме, вместе с тем по юридической силе, как минимум равны ей (Н. С. Бондарь¹). Таким образом, в плане онтологии, можно говорить о сочетании в современном российском конституционном правопонимании как монистического, так и плюралистического подходов.

Конституционная аксиология включает в себя понимание конституции как наиболее значимой правовой ценности и вместе с тем формы юридического закрепления специализированных норм-ценностей, отражающих субъективное отношение к государственно-правовому

---

¹ Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292461034.html (дата обращения: 01.07.2024).

устройству, как со стороны общества в целом, так и формирующих его социальных групп и отдельных граждан.

Говоря о ценностном восприятии самой конституции, автор акцентирует внимание на динамике его изменений в ходе генезиса российской государственно-правовой системы. В Российской империи конституция воспринималась в качестве «антиценности», представлявшей непосредственную угрозу для монархической формы государственного правления. В советской России, конституция рассматривалась в качестве явления ценность, которого носит временный характер и определяется требованиями и условиями зафиксированного в конституционном тексте этапа социалистического строительства. Современным российском конституционным правопониманием, конституция воспринимается как «вневременная» ценность, значимость которой не зависит от того или иного хронологического периода либо политической конъюнктуры.

Рассмотрение ценностей, получивших закрепление в текстах ранее действовавших и действующей российской Конституции, позволяет сделать вывод о достаточно высокой степени их вариативности.

В первых советских российских конституциях (1918, 1925 гг.) имел место ярко выраженный классовый подход, предполагавший деление граждан на две враждебные группы: трудящихся и бывших эксплуататоров, а также лиц, живущих на «нетрудовые доходы». «Эксплуататоры» подлежали уничтожению, а «нетрудовые элементы» – «перековке». При этом, и первые, и вторые, представляли «социальную антиценность», что обуславливало их отношение к социальной группе «лишенцев», не допускаемых к участию в политической жизни государства и существенным образом ограниченных в личных правах.

В конституциях «победившего» (1936, 1937 гг.) и развитого (1977, 1978 гг.) социализма в качестве основной

социальной ценности рассматривался «советский гражданин» – индивид занимающий «достойное» место в обществе «строителей социализма и коммунизма» и строящий свою жизнедеятельность по принципу: «От каждого по способности, каждому по труду».

В действующей российской Конституции в качестве высшей ценности определяется «человек, его права и свободы» (ст. 2), при этом признается, что: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17). Таким образом на конституционном уровне закрепляются естественноправовые ценности, сам факт формирования и реализации которых относительно не зависим от государства.

Трансформация конституционного правопонимания в контексте циклического генезиса российской государственно-правовой системы

Структурная композиция конституционного правопонимания объединяет совокупность формальных и содержательных (субстанциональных) элементов. В качестве формальной составляющей предлагается рассматривать систему юридических источников государственного (конституционного) права, действующего на определенном этапе (цикле) российской государственности. Содержательный (субстанциональный) элемент конституционного правопонимания представлен конституционным правосознанием и юридически значимым поведением субъектов конституционных правоотношений.

Как уже ранее отмечалось, российская государственно-правовая система в отличие от зарубежных аналогов на всех исторических этапах своего генезиса являлась именно государственной (от корневого слова «государь»), предполагающей выстраивание общественных отношений по принципу иерархической «вертикали власти»,

устройство и функционирование которой определялись верховным правителем – главой государства. При такой форме государственного устройства вполне логично деление права на три основополагающие отрасли: государственное, гражданское, уголовное. Первое закрепляет базовые положения и принципы государственного устройства и взаимодействия государства и общества, представленного различными социальными корпорациями и отдельными индивидами. Гражданское право регулирует частную жизнь физических и юридических лиц, в той ее части, которая не подлежит публичной регламентации и не выходит за границы, установленные «государственным законом». В свою очередь уголовное право определяет виды и составы преступлений и устанавливает ответственность за их совершение.

И в Российской империи, и в Советской России, не зависимо от ценностного отношения к конституции, право рассматривалось в качестве «возведенной в закон воли государства». Последнее было представлено «господствующим классом». То, что в Империи таким классом являлась дворянская и буржуазная аристократия, интересы которой на высшем уровне олицетворял царствующий император, а в Советской России фактическая власть принадлежала партийно-хозяйственной номенклатуре, во главе которой находился коллективный орган – Политбюро ЦК КПСС, не меняет сути вопроса. Отношение государства к праву в целом и к конституции в частности, носило сугубо утилитарный характер и являлось отношением «хозяина к вещи». Естественно, что при таком подходе вся сфера публичных отношений регулировалась «государственным правом».

В государственном праве Российской империи, понятия «конституция», «конституционный строй» и т. п. рассматривались как неприемлемые для отечественной

государственно-правовой традиции, при этом по своей сути являлись конституционными, издаваемыми от имени государства в установленном государством порядке законодательные акты (Соборное уложение 1649 г., Свод государственных законов 1836 г., Основные государственные законы 1906 г.) имевшие предметом своего регулирования вопросы, которые в советской и постсоветской России были урегулированы в текстах писаных конституций.

В советском государстве, как уже отмечалось выше, кардинальным образом изменилась форма правления, но осталось практически неизменным соотношение государства и права, последнее продолжало оставаться во всех своих отраслевых сферах «государственным». Однако, появление «формальной» конституции, ставшей самостоятельным объектом научного исследования и профессионального обучения советских юристов, обусловили содержательную трансформацию «общегосударственного права» в самостоятельную отрасль советского права («государственное право»), которая по сути своей являлась «конституционным правом» и включала два направления «государственное право СССР» и «государственное право зарубежных стран». Предметом изучения в рамках первого направления являлись теоретические и практические аспекты советского социалистического конституционализма. Государственное право зарубежных стран исследовало конституции иностранных государств, руководствуясь формационно-классовым подходом, в рамках которого все государства делились на две политико-правовых системы: социалистическую («прогрессивную») и капиталистическую («регрессивную»).

Переход российской государственно-правовой системы к модели правового государства (ст. 1), предполагает верховенство права в целом и конституции, в частности, во всех областях жизнедеятельности государства и об-

щества. В таком понимании государство в той же степени ограничено правом и конституцией (которые перестают быть «государственными вещами» и начинают восприниматься как «высшие» ценности), что и образующие его граждане и общественные организации. Концептуальное изменение соотношения государства и право, повлекло трансформацию наименования отрасли, науки, учебной дисциплины из «государственного» в «конституционное» право, а это в свою очередь предопределило субстанциональную (содержательно-ценностную) трансформацию конституционного правосознания, в рамках которого конституция стала восприниматься не в качестве «государственного инструмента» – предмета государственной собственности, а реального «основного закона», в равной степени обязательного как для гражданского общества, так и для самой государственной власти, которая в своей организации и функционировании должна быть «властью подзаконной» [11, с. 28–36].

Конституционное правопонимание и конституционная традиция в условиях советского и современного российского федерализма

В формально-юридическом контексте категории конституция, конституционный строй, конституционное правопонимание, конституционная традиция возникают в советский период российской государственности, политико-правовые основы которой получили законодательное закрепление в Конституции РСФСР 1918 г., в тексте которой среди основополагающих принципов государственного устройства был, в том числе, закреплён национальный федерализм, в соответствии с которым Советская Россия представляла «федерацию Советских национальных республик» (ст. 2). Такая же характери-

стика содержалась и в Конституции РСФСР 1925 г. (ст. 2), которая была принята на следующий год после принятия Конституции СССР 1924 г. При этом если для Советского союзного государства его национальная федеративная природа, сомнений не вызывала, то применительно к РСФСР, такая характеристика была по меньшей степени не точной, поскольку большинство административно-территориальных образований в комплексе составляющих территорию Советской России создавались не по национальному, а по иным критериям (историческому, экономическому, географическому, урбанистическому и др.), безотносительно национальной принадлежности их населения [6, с. 30–45]. Кроме того, не обладали статусом республик такие национальные образования как автономные области и автономные округа. В текст Конституции РСФСР 1937 г. не была включена используемая в предыдущих конституционных актах характеристика Советской России как «федерации Советских национальных республик». Вместо этого в ст. 14 определялся перечень административно-территориальных единиц входивших в состав РСФСР, без использования термина «субъект федерации». В данной Конституции были выделены 4 типа: край, область, автономная советская социалистическая республика, автономная область. В Конституции РСФСР 1978 г. сохранился подход к пониманию РСФСР как смешанной федерации, состоящей как из национальных, так и из политико-территориальных образований. При этом, дополнительно были выделены города республиканского значения (Москва, Ленинград), а также автономные округа. В Конституции определялось, что автономные области входят состав краев, а автономные округа, в состав краев и областей (ст. 71). Таким образом в формальном отношении в качестве реальных субъектов РСФСР следовало рассматривать края, области, автономные советские

социалистические республики и города республиканского значения. Как уже отмечалось ранее, в советских конституциях (как в союзных, так и в региональных) не использовалась категория «субъект Федерации» и не закреплялся принцип их равенства в отношениях друг с другом и с федеральным центром. Фактически же, «привилегированным» конституционным статусом в системе Советского федеративного государства наделялись республики (как союзные, так и автономные), которые имели конституционный статус государств, собственные конституции (причем в конституциях союзных республик закреплялось их право на свободный выход из состава Союзного государства (см, к примеру ст. 69 Конституции РСФСР 1978 г.) и аналогичную союзной систему государственных органов [1, с. 54–67]. Еще одной особенностью советского федерализма являлось структурно-содержательное разграничение федеральной и региональных систем законодательства [2, с. 35–37]. Как уже ранее отмечалось принятие союзной (федеральной) конституции, являлось условием принятия аналогичных актов союзными и автономными республиками. В текстах региональных конституций дублировались (с учетом национальной специфики) основные положения и принципы союзного Основного Закона. Говоря же о структуре отраслевого законодательства, следует отметить иной подход, в рамках которого на уровне Союза принимались Основы законодательства (уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального). Союзные республики принимали собственные кодексы, в структуре которых Основы, занимали место единой для всех республиканских кодексов общей части. В свою очередь нормы особенной части разрабатывались с учетом национально-культурных особенностей соответствующей республики и имели определенные отличия, обусловленные этими особенностями.

Особенностью конституционного правопонимания в контексте советского федерализма являлось прежде всего восприятие конституционной системы как детерминированной общности союзной и региональных конституций, в основу взаимодействия которых была положена устойчивая конституционная традиция, определявшая как время и порядок разработки региональных конституций, так и их содержание.

Проведенный сопоставительный анализ формальных и содержательных параметров федерализма применительно к государственно-правовым системам СССР и РСФСР, позволяет утверждать, что собственно федеративной в советский период являлась только система Союзного государства, в рамках которой можно было говорить о формальном равенстве союзных республик, как по отношению друг к другу, так и к федеральному центру, в качестве которого выступала РСФСР, неформальный статус которой был закреплен в советском гимне: «Союз нерушимый республик свободных, сплотила навеки Великая Русь».

В Конституции РФ 1993 г. закрепляется федеративная форма государственного устройства (ст. 1) современной России и определяется принцип равенства субъектов ее образующих (ч. 4 ст. 5).

Территориальное устройство РФ конкретизировано в ст. 65, где в качестве равноправных субъектов выделены республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономная область. Так же, как и в советском федерализме, республики обладают «привилегированным» конституционным статусом: именуются государствами, имеют собственные конституции, могут устанавливать собственные государственные языки [8, с. 27–33]. Автор считает необходимым акцентировать внимание на том обстоятельстве, что разработка проекта Конституции осуществлялась в период, когда имел место

«парад суверенитетов», в результате которого республиканский статус получили практически все автономные области (за исключением Еврейской), которые в период советского федерализма рассматривались как составные части краев и, таким образом фактически субъектами советской российской федерации не являлись. Кроме того, принятие в состав РФ самопровозглашенных ЛНР и ДНР (2022 г.), созданных на основе одноименных областей, равно как и более раннее вхождение в Россию Республики Крым «размывает» представление о республике как о национальном образовании в составе многонационального Российского государства (то же самое можно сказать о Республике Дагестан, образованной по принципу административного соединения в одном образовании представителей более 40 национальностей).

В качестве инструмента преодоления «конституционной разобщенности» федерального центра и регионов может быть предложена концепция «живой конституции», активными сторонниками которой выступают судьи Конституционного Суда РФ (как действующие – В. Д. Зорькин, так и находящиеся в почетной отставке – Н. С. Бондарь). В рамках предлагаемой концепции Конституция рассматривается как нормативный правовой акт, в содержании которого закрепляется плюрализм правопонимания, что позволяет гармонично сочетать в конституционном правотворчестве и правореализации такие традиционные типы, как нормативизм, юснатурализм, юридическую социологию и правовой историзм [12, с. 41–44]. Также «живая конституция» обеспечивает взаимосвязь аутентичного конституционного текста (значительная часть которого (гл. 1, 2, 9), может быть изменена только путем принятия новой конституции) и нормативных интерпретационных актов Конституционного суда, посредством которых осуществляется смысловая коррек-

ция конституционных положений и принципов, без изменения их текстуальных формулировок. Применительно к «живой конституции», Конституционный суд выступает не только в качестве ее официального интерпретатора, но и государственного органа наделенного функциями легального (делегированного) конституционного правотворчества [9, с. 18–25].

Отмечается, что в действующей Конституции получили закрепление две характеристики Российской Федерации: национальная (Россия – многонациональный союз равноправных народов с особым местом государствообразующего русского народ) и территориальная (Россия – общность территорий ее субъектов).

Идейным основанием единой конституционной системы в условиях современного российского федерализма, по мнению автора, призвано стать национальное конституционное правосознание обеспечивающее сохранение и продолжение конституционной традиции, основанной как на традиционных, так и вновь формируемых духовно-нравственных ценностях, положенных в основу «культурно-цивилизационной общности Русского мира».

Заключение

Конституционное правопонимание представляет собой системный отраслевой фрагмент общей теории правопонимания, в рамках которого вырабатывается субъективное отношение к пониманию и структурированию конституционного (государственного) права в целом и Конституции, в частности.

В контексте становления и развития российского федерализма конституционное правосознание трансформируется под воздействием закономерностей специфических для обособленных исторических циклов российской государственно-правовой системы.

В условиях Российской империи, действует принцип доминирования государства в лице царствующего императора над регионами, воспринимаемыми в качестве составных элементов «единого и неделимого имперского тела», не обладающих в таком статусе сколько ни будь значительной автономией. Имперское государственное право, отрицает конституцию как предмет буржуазной республиканской правовой культуры, хотя и допускает наличие конституционных актов в отдельных национальных регионах (Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском).

В советской России (РСФСР/СССР) на конституционном уровне получила закрепление концепция национального федерализма, в соответствие с которой советское государство представляло собой «федерацию национальных республик». Советские конституции выступали в качестве законодательных актов («основных законов») принимаемых в целях «юридической фиксации» результативных достижений, полученных государством и обществом в ходе социалистического строительства, при этом функции стратегического планирования в области государственно-правового развития выполняли партийные программы.

В современной России государственное устройство базируется на смешанной модели федерализма, в которой национальные и политико-территориальные субъекты формально обладают равным статусом, однако при этом так же формально субъекты-республики выделены в особую группу (имеют дополнительный конституционный статус государств, свою конституцию, могут устанавливать собственные государственные языки), что позволяет говорить о современном российском федерализме как асимметричном. Современное российское конституционное правопонимание складывается под воздействием двух тенденций: центростремительной,

предполагающей подчиненное положение субъектов Федерации по отношению к федеральному центру и центробежной, направленной на стремление к региональной автономизации, что в ряде случаев приводит к проявлениям «регионального сепаратизма».

Сочетание в современном российском конституционном правопонимании нескольких классических типов понимания права (нормативистского, естественно-правового, социологического, исторического), равно как и «включение» в конституционную систему таких инновационных для отечественной конституционно-правовой практики институтов как президентская власть и конституционный суд, обусловили формирование концепции «живой конституции», в рамках которой предлагается комплексный подход к пониманию конституции как явления в котором аутентичный текст дополняется актами интерпретационного правотворчества, способными адаптировать текстуальные положения к изменяющейся конституционно-правовой реальности. Практическое воплощение концепции «живой конституции», в системе отечественного конституционализма, с одной стороны снимает с повестки дня вопрос об «исторической конечности» конституции, юридическая сила которой зависит теперь исключительно от факта легальности и легитимности единой системы публичной власти, а с другой стороны, позволяет рассматривать конституцию в качестве «основного документа стратегического планирования», содержащего целевые установки определяющие направленность государственно-правового развития в обозримом будущем.

Список литературы

1. Железнов Б. Л. Конституционно-правовые институты автономных республик в советский период // Вестник экономики, права и социологии. – 2008. – № 4. – С. 54–67.

2. Кирсанов А. Ю. О системе советского законодательства (историко-правовой аспект) // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2022. – № 1. – С. 35–37.

3. Крусс В. И., Борисов Г. Д. Конституционное правопонимание и догма формально-юридической дескрипции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 140–145.

4. Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs "юридической эпистемологии": Бьярн Мелкевик и "другие" // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 11. – С. 19–35;

5. Ромашова М. Р., Панченко В. Ю. Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 378–389.

6. Сосенков Ф. С. Конституционно-правовые принципы советского федерализма // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 11. – С. 30–45.

7. Теплова Д. О. Идеи американских федералистов и их реализация в Конституции США 1787 года // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 4 (51). – С. 38–40.

8. Федорев М. Н. Федерализация государственно-территориального устройства России на современном этапе // Современное право. – 2021. – № 11. – С. 27–33.

9. Червонюк В. И. Концепт "живой конституции" в российском конституционном дискурсе // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 4. – С. 18–25. – EDN POGZCO.

10. Честнов И. Л. Проблемы типологии правопонимания // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 8.

11. Четвернин В. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–36.

12. Юн Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

References

1. Zheleznov, B. L. (2008) Konstitucionno-pravovye instituty avtonomnyh respublik v sovetskij period [Constitutional and legal institutions of autonomous republics in the Soviet period]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. No. 4. Pp. 54–67. (In Russian).

2. Kirsanov, A. Yu. (2022) O sisteme sovetskogo zakonodatel'stva (istoriko-pravovoj aspekt) [On the system of Soviet legislation (historical and legal aspect)]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. No. 1. Pp. 35–37. (In Russian).

3. Kruss, V. I. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie i dogma formal'no-yuridicheskoj deskripcii [Constitutional legal understanding and the dogma of formal legal description]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (63). Pp. 140–145. (In Russian).

4. Kruss, V. I. (2021) Konstitucionnoe pravoponimanie vs "yuridicheskoj epistemologii": B'yarn Melkevik i "drugie" [Constitutional legal understanding vs "legal epistemology": Bjarne Melkevik and "others"]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. Vol. 25, No. 11. Pp. 19–35. (In Russian).

5. Romashova, M. R. (2024) Konstitucionnoe pravoponimanie: istoriko-teoreticheskij i otraslevoj aspekty [Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. Vol. 28, № 2. Pp. 378–389. (In Russian).
6. Sosenkov, F. S. (2021) Konstitucionno-pravovye principy sovetskogo federalizma [Constitutional and legal principles of Soviet federalism]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No. 11. Pp. 30–45. (In Russian).
7. Teplova, D. O. (2018) Idei amerikanskih federalistov i ih realizacija v Konstitucii SShA 1787 goda [The ideas of American federalists and their implementation in the U. S. Constitution of 1787]. *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata – Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*. No. 4 (51). Pp. 38–40. (In Russian).
8. Fedorec, M. N. (2021) Federalizacija gosudarstvenno-territorial'nogo ustrojstva Rossii na sovremennom etape [Federalization of the state-territorial structure of Russia at the present stage]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 11. Pp. 27–33. (In Russian).
9. Chervonyuk, V. I. (2018) Koncept "zhivovj konstitucii" v rossijskom konstitucionnom diskurse [The concept of a "living constitution" in the Russian constitutional discourse]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. No. 4. Pp. 18–25. EDN POGZCO (In Russian).
10. Chestnov, I. L. (2003) Problemy tipologii pravoponimaniya [Problems of typology of legal understanding]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law*. No. 6. P. 8. (In Russian).
11. Chetvernin, V. (2003) Rossijskaya konstitucionnaya koncepcija pravoponimaniya [The Russian constitutional concept of legal understanding]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie – Constitutional law: Eastern European Review*. No. 4 (45). Pp. 28–36. (In Russian).
12. Yun, L. V. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie kak vazhnyj element konstitucionnogo sudoproizvodstva [Constitutional legal understanding as an important element of constitutional legal proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudija" – Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*. Vol. 19. Pp. 41–44. (In Russian).

Об авторе

Ромашова Мария Романовна, соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-0504-5822, e-mail: 7029807@mail.ru.

About the author

Maria R. Romashova, Candidate, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-0504-5822, e-mail: 7029807@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.07.2024
Принята к публикации: 23.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 03 July 2024
Accepted: 23 August 2024
Published: 30 September 2024

Механизмы обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в Российской Федерации

М. В. Рыбкина, Ю. Ю. Ларюгина

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проводится анализ механизмов взаимодействия органов, включенных в единую систему публичной власти, действующих в Российской Федерации. Комплексных фундаментальных исследований по данной теме не проводилось, что обуславливает актуальность поднимаемых в настоящей работе вопросов. Выводы и предложения, сделанные в исследовании, могут иметь практическое значение для повышения эффективности функционирования институтов власти.

Ключевые слова: Президент, Государственный Совет, органы единой публичной власти, местное самоуправление, согласованное функционирование и взаимодействие, полномочия, координация.

Для цитирования: Рыбкина М. В., Ларюгина Ю. Ю. Механизмы обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 92–109. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_92 EDN: OZRFPN

Mechanisms to Ensure Coordinated Functioning and Interaction of Public Authorities in the Russian Federation

Marina V. Rybkina, Yulia Y. Laryugina

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyses the mechanisms of interaction between the bodies included in the unified system of public authority operating in the Russian Federation. Comprehensive fundamental research on this topic has not been conducted, which determines the relevance of the issues raised in this paper. The conclusions and proposals made in the study may be of practical importance for greater efficiency of the functioning of public authorities.

Key words: President, State Council, unified public authorities, local self-government, coordinated functioning and interaction, powers, coordination.

For citation: Rybkina, M. V., Laryugina, Yu. Y. (2024) Mekhanizmy obespecheniya soglasovannogo funkcionirovaniya i vzaimodejstviya organov publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii [Mechanisms to Ensure Coordinated Functioning and Interaction of Public Authorities in the Russian Federation]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 3 (77), Pp. 92–109. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_92. EDN: OZRFPV

Введение

Исторические условия территории, на которой сложилось русское государство, предопределили образование общества и государства как некой цельности, обеспечение функционирования которой предполагает высокий уровень мобилизации и высокий уровень эффективности деятельности управленческого аппарата. На фоне укрепления российской государственности большое значение имело установление связей внутри управленческого аппарата, построенного по принципу верховенства.

Практически на всех этапах существования Российского государства вся полнота власти была сконцентрирована в руках главы государства. С развитием общественных отношений организация власти, основанная на принципе разделения компетенции, стала необходимым условием, что было реализовано в Конституции 1993 г.

Принцип разделения и независимости неразрывно связан с принципом единства публичной власти, для обеспечения которого необходимо согласованное функционирование и взаимодействие.

Особенности взаимодействия органов публичной власти

Профессор И. А. Ильин, исследуя исторические условия, в которых развивалось российское государство, писал, что многонациональное население, обширная территория, сложность общегосударственных задач, военные угрозы предопределили потребность в сильной власти в России [4, с. 332–336, 345]. Вместе с тем «сильная власть» в условиях демократического режима должна осуществляться с учетом принципа разделения на организационно-обособленные самостоятельные ветви.

Анализируя опыт зарубежных стран, И. А. Ромайкин обозначает проблемы, возникающие в организации

и деятельности власти в федеративном государстве, и отмечает, что разделение властей способствовало превращению государства в полуразъединённый и слабо согласованный механизм [10, с. 18].

Согласно поправкам 2020 г., внесенным в Конституцию РФ, появилось понятие «Единая система публичной власти» (п. 3 ст. 132 Конституции РФ). Местное самоуправление и госорганы теперь объединены в эту единую систему и взаимодействуют с целью обеспечения интересов населения.

Как заключил Конституционный Суд, принцип единства публичной власти предполагает не только необходимость слаженного взаимодействия, но и наличие организационно-правовых механизмов для обеспечения этого процесса в контексте предписаний Конституции¹.

Б. В. Россинский отмечает потенциал для всей системы государственного управления административно-правовой модели, возникающей в результате дополнения Конституции положением ч. 3 ст. 132 [12, с. 8]. Поправки к Конституции, принятые в 2020 г., дают возможность выстроить связанный иерархически механизм власти на всех уровнях управления, включая муниципальный [6, с. 47].

Принцип согласованного функционирования на всех уровнях власти особым образом реализуется в государстве с федеративным устройством, так как субъекты по-другому не могут реализовать свои полномочия, кроме как во взаимодействии с федеральным центром, только во взаимодействии с государственной властью функционирует и местное самоуправление.

Построение властного механизма с учетом принципа разделения компетенции и функционирования системы сдержек и противовесов предусматривает осуществле-

---

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 30.05.2023 № 27-П

ние власти, основанное на органичном взаимодействии и контроле [15, с. 140].

К основным способам взаимовлияния классических ветвей власти можно отнести следующие:

- Судебная власть через контроль на соответствие нормативных правовых актов Конституции, Законам влияет на деятельность законодательной и исполнительной, разрешает судебные споры, в которых участвуют госорганы.
- Законодательная, создавая акты материального права, устанавливает основы для деятельности судебной и исполнительной.
- Исполнительная власть осуществляет реализацию принятых законодательной властью нормативных правовых актов и судебной властью решений, подготавливает законопроекты.

В законодательстве не раскрыто определение «согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти». Не установлены особенности реализации данного принципа ни в Конституции, ни в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (Далее – Закон № 394-ФЗ), ни в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (Далее – Закон № 414-ФЗ), что само по себе располагает к различным вариантам толкования и неопределенности.

Принципы, в соответствии с которыми Госсовет регулирует вопросы взаимодействия органов власти, перечислены в ст. 17 Закона № 394-ФЗ, к ним относятся: эффективность, самостоятельность и независимость власти; обоснованность при распределении полномочий между органами власти; открытость информации об их деятельности; финансовая обеспеченность и подконтрольность.

Аристов Е. В. считает, что взаимодействие будет осуществляться при определении Государственным Советом стратегических задач и целей внутренней и внешней политики, через формирование государственной политики в области социально-экономического развития России, ее субъектов и муниципальных образований [1, с. 199].

Мероприятию по обеспечению согласованного взаимодействия должны включать:

- Внутреннюю координацию в судебной системе, в системе исполнительной, законодательной власти для обеспечения законности, правовой определенности, эффективности правоприменительной практики.
- Вертикальную координацию, которая реализуется при разработке стратегий развития с учетом региональных условий для достижения общегосударственных задач.
- Горизонтальную координацию, которая реализуется через механизмы регионального и межмуниципального взаимодействия и сотрудничества.

Президент Российской Федерации в механизме обеспечения согласованного функционирования органов публичной власти

С 2020 г. ст. 80 Конституции была существенно изменена ввиду расширения полномочий Президента в отношении органов, включенных в единую систему публичной власти. Глава государства обеспечивает их согласованное функционирование. До поправок Президент осуществлял эти функции по отношению к государственной власти. Теперь Президент наделен более весомыми полномочиями в отношении регулирования деятельности как государственной, так и муниципальной власти, возможности влияния и воздействия существенно расширяются.

Изменениям способствовала практика взаимодействия органов власти, основанная на положениях Конституции

1993 г. Новеллы законодательства, касающиеся взаимодействия органов власти в целях достижения их согласованного функционирования, были нацелены на решение существующих проблем соответствующей управленческой практики [11, с. 16].

Конституция 1993 г. закрепила за Президентом России ведущую роль в системе публичной власти, осуществляя свои функции, Президент должен соблюдать принцип разделения властей, отражающий независимость и самостоятельность ветвей власти и являющийся принципом правового государства.

По Конституции России 1993 г. Глава государства не включён ни в одну из ветвей власти, выполняет посреднические функции по отношению ко всем органам публичной власти, занимая по отношению к ним ведущее, нейтральное положение.

В XIX веке французский ученый конституционалист Бенджамин Констан де Ребек выделял 5 ветвей власти, ввел понятие «нейтральная власть» для характеристики власти Главы государства. Рассуждая о взаимодействии различных уровней власти, Констан писал, что Глава государства обладает возможностями восстановить нормальное положение дел, когда возникают противоречия между ветвями власти, его интерес состоит в скоординированных действиях властных структур [5, с. 38–39].

Каждая из ветвей власти должна обеспечивать эффективную реализацию закрепленных за ней функций и действовать в пределах своей компетенции. Но, если на определенном этапе, согласованное функционирование не обеспечивается, то требуется сила, которая может разрешить проблемную ситуацию. Президент РФ, являясь нейтральной силой по отношению ко всем ветвям власти в соответствии с тем, как определено в Конститу-

ции РФ выполняет функции по обеспечению их согласованного взаимодействия.

Ряд авторов критикует такое положение Президента, и указывают на возникающие противоречия, условия для злоупотреблений [8, с. 40] и возможности необоснованного вмешательства в деятельность органов власти [7, с.52].

Несомненно, концентрация властных полномочий несет определенные риски. Совершенствование механизмов согласованного функционирования не должно приводить лишь к усилению вертикали власти и ее централизации, сохраняя ценности федеративной организации, необходимо обеспечивать сотрудничество между ее субъектами. Н. М. Добрынин отмечает, что реализация принципов разделения властей и эффективности государственного управления потребуют значительно больше времени, чем укрепление вертикали власти в России с многовековой историей унитарного государства [3, с. 34].

В целях согласованного функционирования всех систем единой публичной власти Президент правомочен применять меры воздействия. У него есть полномочия по федеральному вмешательству, он может использовать право законодательной инициативы, право вето, право роспуска Государственной Думы по основаниям взаимосвязанным с Правительством, право издавать указы и другие.

Глава государства может применять согласительные процедуры для урегулирования разногласий между органами власти, как определено в ст. 85 Конституции, может передать, в случае не достижения результата, дело для разрешения в суд. Данные положения конкретизируются в различных нормативных правовых актах. Все эти меры относятся к механизмам принуждения к согласованному функционированию, либо к механизмам, применяемым в ситуациях, когда возникли противоречия,

механизмы обеспечения согласованного функционирования должны включать в себя и иные способы.

Особенности компетенции органов публичной власти в сфере обеспечения их согласованного функционирования

В перечень субъектов, наделенных правом участия в решении вопросов согласованного функционирования органов власти и координации их деятельности, включены Президент, Государственный Совет (далее – ГС РФ), Правительство РФ и другие органы власти, согласно п. 2 ст. 2 Закона № 394-ФЗ.

Координация в данном контексте подразумевает систему мероприятий и принятие решений, направленных на согласованное функционирование органов власти. Этот процесс имеет большое значение для обеспечения эффективной работы властных структур, стабильности государственных институтов. Согласованное взаимодействие всех элементов в рамках единой системы власти способствует реализации эффективной государственной политики.

Актуализация вопросов обеспечения согласованного функционирования органов единой публичной власти связана с принятием поправок к Конституции, что определило дальнейшее развитие законодательства в этой сфере. В частности, в 2020 г. вступил в силу новый Закон о Правительстве, закрепивший полномочия в сфере координации деятельности органов исполнительной власти с целью их согласованного функционирования¹.

Координация заключается в обеспечении согласованности действий, направленных на реализацию общих целей и задач. Таким образом, Правительство Российской Федерации играет центральную роль в системе

---

¹ О Правительстве Российской Федерации: федер. конституционный закон № 4-ФКЗ от 06.11.2020 Ст. 13.

исполнительной власти, обеспечивая реализацию государственной политики, координацию действий различных органов власти и осуществляя взаимодействие с другими ветвями власти. Правительство осуществляет эти полномочия, в соответствии со ст. 85 Конституции РФ, под руководством Президента.

Для осуществления данных полномочий и обеспечения оперативных и согласованных действий органов исполнительной власти федерального, регионального уровня при разрешении штатных и нештатных ситуаций при Правительстве РФ создан координационный центр¹. В п. 15 Положения о координационном центре перечислены обширные полномочия, реализуемые в рамках обеспечения оперативных и согласованных действий. Вопросы, связанные с разрешением разногласий внутри системы исполнительной власти, регулировались до принятия нового закона Федеральным Конституционным Законом от 17 декабря 1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации. Для реализации данного полномочия Правительства ранее создавались согласительные комиссии.

В результате изменений ст. 83 Конституции ГС РФ получил полномочия в сфере обеспечения согласованной деятельности органов публичной власти. ГС РФ является площадкой для обсуждения и принятия решений по наиболее важным вопросам общественной жизни страны.

Государственный Совет – это орган, созданный для обеспечения согласованной работы всех уровней власти: федеральной, региональной и местной, рассматривающий также вопросы передачи полномочий между ними, как определено в ст. 6 Закона № 394-ФЗ. На основе анализа особенностей функционирования органов власти,

---

¹ О Координационном центре Правительства Российской Федерации: постановление Правительства № 171 от 12.02.2021.

ГС разрабатывает предложения по совершенствованию системы управления.

В итоге Президент может как единолично, так и посредством ГС РФ осуществлять свои арбитражные функции по разрешению конфликтов и согласованию действий органов власти.

Для выполнения функций ГС создана специальная комиссия, которая рассматривает вопросы, связанные с обеспечением согласованного функционирования и взаимодействия. В функции этого рабочего органа ГС входит, кроме рассмотрения вопросов взаимодействия органов публичной власти, также и подготовка предложений по использованию Главой государства согласительных процедур для урегулирования разногласий между органами власти, разработка предложений в отношении совершенствования их деятельности¹:

Решения комиссии оформляются протоколами, которые носят только лишь рекомендательный характер.

По итогам заседаний ГС оформляются решения. Решения подписывает Председатель, которым является Глава государства, как установлено в ст. 8 Закона № 394-ФЗ.

На основе изучения компетенции ГС можно утверждать, что Государственный совет является органом, находящимся в ведении Президента, который содействует ему в выработке решений по рассматриваемым вопросам.

А. В. Нечкин отмечает, что ГС РФ в объеме компетенций, закрепленных за ним, является не более чем координационно-совещательным органом при Президенте [9, с. 141]. По существу, субъектом уполномоченным осуществлять действия и принимать окончательные решения относительно обеспечения согласованного функционирования органов власти является Президент РФ.

---

¹ Вопросы Государственного Совета Российской Федерации: указ Президента РФ № 800 от 21.12.2020. П. 11.

Членами ГС являются руководители государственных органов: Правительства, обеих палат Федерального Собрания, Администрации Главы государства, высшие должностные лица субъектов РФ. По решению Главы государства в состав ГС могут быть включены представители Госдумы, местного самоуправления, иные лица.

Участие руководителей регионов в деятельности ГС подразумевает возможность учета региональных интересов в процессе выработки совместных решений. Безусловно, единство публичной власти предполагает вовлечение субъектов Российской Федерации в процессы рассмотрения общефедеральных вопросов и принятия по ним решений [2, с. 130].

Местное самоуправление не относится к системе государственной власти и самостоятельно как установлено в ст. 12 Конституции, в связи с этим при определении механизмов согласованного функционирования между уровнями муниципальной и государственной власти возникают определенные сложности. Однако, ввиду включения местного самоуправления в единую систему публичной власти, вопросы согласованного взаимодействия должны решаться при участии представителей муниципальной власти.

Администрация Президента является еще одним государственным органом, участвующим в выработке решений относительно взаимодействия органов публичной власти. Определенные функции Администрации Главы государства и Государственного Совета фактически дублируют друг друга. В задачи ГС входит оказание содействия Главе государства в обеспечении согласованного функционирования госорганов (п. 1 ст. 5 Закона № 394-ФЗ). Администрация Главы государства осуществляет подготовку предложений Президенту по вопросам обеспечения согласованного функционирования госор-

ганов¹. Это показывает, что Глава государства имеет право принимать решения самостоятельно, без участия Государственного совета, не ориентируясь на выработанные комиссиями этого органа решения.

Изменения в законодательстве субъектового уровня, связанные с поправками к Конституции, определяют способы взаимодействия органов власти на региональном уровне. Так Законом № 414-ФЗ в п. 2 ст. 32 определяется, что высший исполнительный орган Субъекта РФ обеспечивает в соответствии с Законом Субъекта РФ согласованное взаимодействие исполнительных органов регионального уровня.

Таким образом, вопросы согласованного функционирования на региональном уровне определяются законом субъекта. Следует отметить, что ввиду отсутствия специального модельного закона, определяющего принципы организации публичной власти и особенности взаимодействия всех входящих в нее элементов, фактически отсутствуют ориентиры для регулирования вопросов данной сферы.

При определении направлений совершенствования согласованного функционирования публичной власти на муниципальном уровне можно отметить тенденции к усилению контроля и влияния. Так значительно расширяется компетенция органов региональной власти в отношении муниципальной. Теперь органы власти субъектов федерации могут участвовать в правовом регулировании деятельности местного самоуправления, в определении компетенции местных органов власти, в их формировании, в осуществлении контроля за их деятельностью. Этому способствовало определение в ст. 6 Закона № 414-ФЗ особенностей участия субъектов РФ в решении вопросов местного самоуправления.

---

¹ Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации: положение, утвержденное Указом Президента Российской Федерации № 490 от 06.04.2004. П. 5.

Расширение компетенции и полномочий субъектов РФ по отношению к местному самоуправлению должно осуществляться при сохранении гарантий самостоятельности местного самоуправления, обозначенных в ст. 12 Конституции, требуется не только расширение компетенции органов государственной власти в данном вопросе, но и проработка регламентов их взаимодействия.

Изменения в отношении муниципальной власти в РФ связаны с тенденциями к ограничению их автономии и усилению централистских начал на основании единства публичной власти [13, с. 32]. Автономия местного самоуправления становятся иллюзорной ввиду того, что отсутствуют условия для непосредственной коммуникации с органами федеральной и региональной государственной власти, необходимой для учета интересов населения при разработке планов регионального и федерального развития [13, с. 45]. Централизация публичной власти в России достигла своей меры и возникает необходимость в децентрализации при сохранении единства [14, с. 108]. Не допуская излишней централизации публичной власти необходимо последовательное совершенствование правовых механизмов согласованного функционирования институтов взаимодействия власти и населения [14, с. 125].

Заключение

Объединение государственных (федеральных и региональных) и муниципальных органов в единую систему, именуемую «единая публичная власть», создает необходимость установления способов их взаимодействия. Такое взаимодействие должно обеспечиваться через механизмы слаженной совместной работы и сотрудничества на всех уровнях управленческих связей.

Предусмотренные в Конституции РФ основы единой публичной власти усиливает роль Главы государства, наделяя его полномочиями в отношении обеспечения согласованного функционирования. Будучи фактически исключен из системы сдержек и противовесов, он имеет большие возможности по вмешательству в деятельность всех уровней власти, роль Президента в отношении влияния на все ветви власти гипертрофирована. Единственным субъектом уполномоченным осуществлять действия и принимать окончательные решения относительно обеспечения согласованного функционирования всех уровней публичной власти является Глава государства.

Закрепленные в Основном законе государства компетенции ГС, как органа уполномоченного обеспечивать согласованное взаимодействие всех органов публичной власти, предполагают организацию эффективно работающего института. Однако объем полномочий и статус данного органа, определенный в Законе № 394-ФЗ сохраняет за Президентом главенствующую роль в решении задач, отнесенных к компетенции ГС.

Органы муниципальной власти имеют возможность принимать участие в деятельности Государственного Совета лишь в случае соответствующего решения Главы государства. Ввиду отсутствия механизмов для регулярной прямой коммуникации местного самоуправления с представителями государственной власти при выработке решений относительно согласованного функционирования публичной власти, такие решения могут приниматься без учета интересов местных органов власти.

При усилении унитарной составляющей в нормах действующего законодательства, регламентирующих организацию единой публичной власти, не выработаны принципы согласованного функционирования и взаимодействия всех входящих в эту систему органов. Передача

данных полномочий на уровень субъектов при отсутствии модельного закона создает возможности самопроизвольного нормотворчества.

Перечисленные особенности организации механизмов, связанных с согласованным функционированием публичной власти в России, указывают на необходимость дальнейшего развития законодательства в этой сфере.

Список литературы

1. Аристов Е. В. Формирование единой системы публичной власти в России как вектор новой конституционности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 60. – С. 194–214.
2. Демидов М. В. Принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 3 (53). – С. 128–132.
3. Добрынин Н. М. Современный российский федерализм в фокусе проблем обеспечения демократии, разделения властей и работоспособности административной вертикали // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 25–36.
4. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи / под ред. А. М. Суриса – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 487 с.
5. Классический французский либерализм: сборник / пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 592 С.
6. Колесников А. В. Организация муниципального управления в единой системе публичной власти: теория, особенности, межмуниципальное взаимодействие: монография. – Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. – 236 с.
7. Краснов М. А. О новом смысле института президента // Koipon. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 38–60.
8. Медушевский А. Н. Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 3 (136). – С. 33–50.
9. Нечкин А. В. Вспомогательные органы при главе государства в странах СНГ // Современное право. – 2022. – № 6. – С. 138–144.
10. Ромайкин И. А. Федеративное государство и организация государственной власти: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 184 с.
11. Россинский Б. В. Законодательное обеспечение единства исполнительных органов с позиций теории систем // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 9 (142). – С. 11–21.
12. Россинский Б. В. Формирование публичной власти как реализация системного принципа ингрессии // Административное право и процесс. – 2022. – № 7. – С. 4–8.
13. Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 2. – С. 24–49.
14. Чертков А. Н. Триумvirат государства, общества и местного самоуправления: единство публичной власти и взаимодействие ее подсистем: моногра-

фия. – Министерство образования Московской области, Академия социального управления, Центр исследования проблем территориального управления и самоуправления. – Москва: АСОУ, 2023. – 135 с.

15. Чирикин В. А. Особенности конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 1. – С. 136–142.

References

1. Aristov, E. V. (2023) Formirovanie edinoj sistemy publichnoj vlasti v Rossii kak vektor novoj konstitucionnosti [Formation of a unified system of public power in Russia as a vector of new constitutionality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. No. 60. Pp. 194–214. (In Russian).
2. Demidov, M. V. (2023) Principy deyatel'nosti organov, vkhodyashchih v edinuyu sistemu publichnoj vlasti v sub'ekte Rossijskoj Federacii [Principles of activity of bodies included in the unified system of public authority in the subject of the Russian Federation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii – Bulletin of the Russian University of Cooperation*. No. 3 (53). Pp. 128–132. (In Russian).
3. Dobrynin, N. M. (2020) Sovremennyy rossijskij federalizm v fokuse problem obespecheniya demokratii, razdeleniya vlastej i rabotosposobnosti administrativnoj vertikali [Modern Russian federalism in the focus of problems of ensuring democracy, separation of powers and efficiency of the administrative vertical]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 2. Pp. 25–36. (In Russian).
4. Il'in, I. A. (2017) *Nacional'naya Rossiya: nashi zadachi* [National Russia: our tasks]. Ed. A. M. Surisa. Moscow, Berlin: Direkt-Media. (In Russian).
5. *Klassicheskiy francuzskij liberalizm: Sbornik* (2000) [Classical French liberalism: A collection] Per. s fr. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. (In Russian).
6. Kolesnikov, A.V. (2021) *Organizaciya municipal'nogo upravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti: teoriya, osobennosti, mezhmunicipal'noe vzaimodejstvie: monografiya* [The organization of municipal government in a unified system of public authority: theory, features, inter-municipal interaction: monograph]. Saratov: Izd-vo Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. (In Russian).
7. Krasnov, M. A. (2021) O novom smysle instituta prezidenta [On the new meaning of the Institute of the President]. *Koinon*. Vol. 2. No. 1. Pp. 38–60. (In Russian).
8. Medushevskij, A. N. (2020) Perekhod Rossii k konstitucionnoj diktature: razmyshleniya o znachenii reformy 2020 goda [Russia's transition to constitutional dictatorship: reflections on the meaning reforms of 2020]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. No. 3 (136). Pp. 33–50. (In Russian).
9. Nechkin, A. V. (2022) Vspomogatel'nye organy pri glave gosudarstva v stranah SNG [Auxiliary bodies under the head of state in the CIS countries]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 6. Pp. 138–144. (In Russian).
10. Romajkin, I.A. (2021) *Federativnoe gosudarstvo i organizaciya gosudarstvennoj vlasti: monografiya* [The federal state and the organization of state power: monograph] Moscow: Yurlitinform. (In Russian).
11. Rossinskij, B. V. (2022) Zakonodatel'noe obespechenie edinstva ispolnitel'nyh organov s pozicij teorii sistem [Legislative support of the unity of executive bodies from the standpoint of the theory of systems]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. Vol. 17. No. 9 (142) Pp. 11–21. (In Russian).
12. Rossinskij, B. V. (2022) Formirovanie publichnoj vlasti kak realizaciya sistemnogo principa ingressii [Formation of public power as the implementation

of the systemic principle of ingression]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process*. No. 7. Pp. 4–8. (In Russian).

13. Timofeev, N. S. (2023) *Mestnoe samoupravlenie v sisteme edinoj publichnoy vlasti* [Local self-government in the system of unified public authority]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo – Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*. No. 2. Pp. 24–49. (In Russian).

14. Chertkov, A. N. (2023) *Triumvirat gosudarstva, obshchestva i mestnogo samoupravleniya: edinstvo publichnoy vlasti i vzaimodejstvie ee podsistem: monografiya* [The triumvirate of the state, society and local self-government: the unity of public power and the interaction of its subsystems: monograph]. Moscow: ASOU. (In Russian)

15. Chirikin, V. A. (2020) *Osobennosti konstitucionnogo principa razdeleniya vlastei v Rossijskoj Federacii* [Features of the constitutional principle of separation of powers in the Russian Federation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life*. No. 1. Pp. 136–142. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

30/70 %

Об авторах

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0003–3321–0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Ларюгина Юлия Юрьевна, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0002–9997–3026, e-mail: YuliaLaryugina@yandex.ru

About the authors

Marina V. Rybkina, Doctor Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0003–3321–0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Yulia Y. Laryugina, postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0002–9997–3026, e-mail: YuliaLaryugina@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.07.2024
Принята к публикации: 30.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 11 July 2024
Accepted: 30 August 2024
Published: 30 September 2024

Проблемы понимания права собственности в юридической литературе периода Российской империи

И. И. Тахмазиди

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

История развития права собственности в Российской империи является важной составляющей изучения эволюции общества и государства. Формирование института права собственности в российской цивилистике в различные периоды нашей истории имело свои особенности и характеризовалось разнонаправленным развитием в советский период. Право собственности – ключевой элемент не только для юридической науки, но и для экономической и социальной теории. В рамках исследования мы будем опираться на труды российских учёных в области истории и права, таких как В. И. Вешняков, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и других.

Такой подход позволит нам лучше понять исторические и теоретические аспекты развития права собственности, а также проанализировать его влияние на современные правовые структуры.

Ключевые слова: институт права собственности, кодификация, правомочия: владение, пользование, распоряжение, Свод законов Российской империи.

Для цитирования: Тахмазиди И. И. Проблемы понимания права собственности в юридической литературе периода Российской империи // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 110–122. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_110. EDN: QKVPCM

Problems of Understanding Property Rights in the Legal Literature of the Period of the Russian Empire

Ivan I. Tahmazidi

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The history of the development of property rights in the Russian Empire is an important component of the study of the evolution of society and the state. The formation of the institution of property rights in Russian civil law in various periods of our history had its own characteristics and was characterized by a multidirectional development during the Soviet period. Property law is a key element not only for legal science, but also for economic and social theory. As part of the research, we will rely on the works of Russian scientists in the field of history and law, such as V. I. Vishnyakov, I. A. Pokrovsky, G. F. Shershenevich and others.

This approach will allow us to better understand the historical and theoretical aspects of the development of property rights, as well as analyze its impact on modern legal structures.

Key words: institute of property law, codification, powers: possession, use, disposal, Code of Laws of the Russian Empire.

For citation: Tahmazidi, I. I. (2024) Problemy ponimaniya prava sobstvennosti v juridicheskoy literature perioda Rossijskoj imperii [Problems of Understanding Property Rights in the Legal Literature of the Period of the Russian Empire]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 110–122. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_110. EDN: QKVPCM

Введение

При рассмотрении вопросов, таких как: «Что такое право собственности?», «Какую роль этот институт играет в обществе и государстве?» и «Какими правомочиями обладает субъект в отношении собственности?», ответы на них зависят не только от изменений политического строя государства, как это произошло во время революции 1917 года и последующего издания декрета об отмене права частной собственности на недвижимость в советской России. Политико-правовые трансформации в понимании права собственности имели место, но они не были и не являются единственным критерием изменения и развития этого обширного института.

Процесс развития права собственности в истории Российской империи является в том числе и неким сопутствующим отражением эволюции самого общества и государства. Изучение процесса формирования и трансформации представлений о праве собственности позволяет лучше понять актуальные вопросы и проблемы, возникающие в разных отраслях современной юридической науки.

Исследование исторического опыта преобразования понятия института права собственности позволит лучше понять особенности и тенденции развития современного законодательства, регулирующего имущественные отношения в России.

Анализ научной литературы периода Российской империи в контексте становления и развития института права собственности

При изучении исторических аспектов становится ясно, что существуют две основные традиции в понимании права собственности: континентальная и англосаксонская правовые системы. Особенности и различия право-

вых систем не являются предметом исследования в рамках данной работы, однако следует отметить, что первая система предполагает концентрацию всех прав на объект в руках одного владельца, отказываясь от феодальных принципов и считая их пережитками прошлого. Классический пример такой системы – Кодекс Наполеона, благодаря которому было провозглашено о неприкосновенности частной собственности.

Англосаксонская правовая система, во-первых, сохранила некоторые институты, характерные для феодального периода, а во-вторых, в отличие от континентальной системы рассматривает институт права собственности как набор частичных правомочий, что обеспечивает определённую гибкость, более соответствующую современным тенденциям и реалиям развития общества в экономической, социальной и политической сферах.

Знаменитый российский правовед Иосиф Алексеевич Покровский справедливо отметил, что «право собственности не является для человечества исконным и «прирожденным, а создается путем медленного исторического процесса»¹. Изучение особенностей понимания права собственности в истории отечественной юридической литературы можно рассматривать через призму различных временных периодов. Однако в рамках этого исследования мы сосредоточимся на ключевых моментах, оказавших влияние на эволюцию и изменение восприятия института собственности.

Развитие столь важного для государства института не могло не привлечь внимание учёных, законодателей и государственных деятелей к опыту соседних западных стран, особенно к опыту создания правовой системы Германии и Франции. При создании национального законодательства факты заимствования и ориентации на за-

---

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права: монография М.: Статут, 2003. 351 с.

падное регулирование не должны говорить об отсутствии у отечественных учёных и законодателей собственных уникальных идей. Напротив, всё развитие права прямоком уходит в историю и обращается к римскому праву [3, с. 86].

В истории права Рим занимает особое место, демонстрируя огромное значение юриспруденции для правового развития и культуры общества. В законодательной практике Российской империи XIX века мы видим отражение римских учений, которые, в свою очередь, были заимствованы нашими учёными из западных кодексов.

Важно осознавать, что развитие законодательства тесно связано с уровнем правовой науки в стране и правовой культурой общества. Исторические данные свидетельствуют о том, что постепенное и стабильное развитие науки не является характерной чертой для России, однако подобного рода последовательность, согласно опыту других государств, способствует гармонизации и унификации в области гражданского права, так как одна лишь законодательная рецепция не способна устранить пробелы и недостатки¹.

Отсутствие поэтапного и стабильного развития правовой науки и законодательства особенно заметно в период правления Петра I. Его реформы привели к новому этапу в истории русского законодательства. Реформаторский дух, проникший в правовую сферу, характеризовался слабой согласованностью новых законов со старыми московскими законам. Во времена Петра I произошёл резкий разрыв с традициями и полное пренебрежение прошлым в пользу западных течений.

Во времена правления Екатерины II концепция частной собственности приобрела особую значимость, что способствовало прогрессу в развитии общества и эко-

---

¹ Кассо Л. Источники Русского гражданского права. Вступительная лекция, прочитанная в Московском Университете 17-го января 1900 года. Ст. 5. 1900.

номики. Тогда понятие «собственность» включало в себя разнообразные объекты: пастбища для скота, леса для охоты и лесозаготовки, землю и водные ресурсы. Государственная деятельность при Екатерине II отличалась тем, что впервые был использован сам термин «собственность», во времена её правления широко применялись такие положения в жалованных грамотах [13, с. 2].

Идея частной собственности продолжала развиваться и укрепляться при правлении Екатерины II, что привело к формированию современного понимания этого явления.

Впервые признание гражданского права как отдельной отрасли права произошло в 1832 году с принятием Свода законов Российской империи. Впоследствии было определено и само понятие права собственности на законодательном уровне, что не могло не оказать свой эффект на дальнейшее развитие данного института. Однако по мнению Е. А. Суханова реальное развитие данной подотрасли произошло лишь при отмене крепостного права в 1861 году [7, с. 26].

В соответствии с этим определением, право собственности принадлежит тому, кто первым приобрёл имущество законным путём и оформил его в свою личную собственность. Этот человек имеет право владеть, использовать и распоряжаться имуществом на постоянной основе и передавать его по наследству, пока не передаст свои права другому лицу. Таким образом, право собственности является исключительным и независимым от влияния других лиц, что гарантирует защиту прав собственника.

Свод гражданских законов возник в результате объединения предыдущих законодательных актов, касающихся гражданско-правовых отношений. Его принятие ознаменовало новый этап развития институтов гражданского права и стимулировало дальнейшее совершенствование гражданского законодательства.

Тем не менее, структура общих гражданских законов имела определённые недочёты. Они не вполне соответствовали теоретическим основам и практике применения права, поскольку их содержание было больше похоже на прежнее законодательство России, нежели на теоретические юридические знания и практику развитых стран [1, с. 5].

В течение долгих лет законодательство пыталось разработать единые и универсальные законы, применимые ко всем субъектам права. Однако каждый новый закон сталкивался с трудностями в адаптации к специфическим условиям и обстоятельствам. В результате одни и те же законы не имели единообразия в правоприменении в различных регионах. Такая ситуация приводила к путанице и неопределённости в правовой системе, что, в свою очередь, мешало эффективному функционированию государства и общества.

Для решения этой проблемы было необходимо найти способы гармонизации законодательства и обеспечения его соответствия общим принципам и нормам права. Это требовало значительных усилий со стороны учёных, законодателей и государственных деятелей, а также создания эффективных механизмов контроля за соблюдением законов на всех уровнях власти.

Неопределённость в законодательстве, связанная с непониманием роли права собственности в общей структуре законов, вызывает сомнения в точности их содержания и приводит к различным интерпретациям. Это затрудняет надлежащее осознание сути правовых норм и их применение судами. В результате граждане сталкиваются с дополнительными сложностями в понимании своих прав. Неясность в определении смысла законодательных положений при их применении судами создаёт препятствия для законотворческого процесса, так как законодатель сам сталкивается с противоречиями и ошибками [6, с. 105].

Сперанский обращал внимание на трудности, связанные с несогласованностью понимания свода законов между судом и законодателем. Он подчёркивал, что законы были бы более чёткими, если бы их действие не дробилось на множество аспектов. Основные проблемы заключаются в следующем:

- трудности в организации судебной системы и управлении;
- сложности в улучшении законов путём законодательства;
- проблемы в изучении законодательства [5, с. 64].

Для учёных-цивилистов того времени кодификация стала решением, которое устранило бы эти недостатки.

Кодекс – это тип свода законов, который направлен на максимальную точность формулировок и совершенство структуры законов. Его главная задача – облегчить поиск, изучение и практическое применение законов. Благодаря этому подходу, профессиональные юристы и рядовые граждане могут легко и быстро находить необходимые им законы без необходимости изучать весь кодекс целиком.

Кроме того, свод законов облегчает изучение законодательства для каждого конкретного человека. Вместо того чтобы теряться в многообразии законов и их взаимосвязей, человек может сконцентрироваться на изучении тех законов, которые имеют непосредственное отношение к его ситуации. Таким образом, кодекс прагматический способствует эффективному использованию законодательства и его применению на практике [2, ст. 1].

Свод законов Российской империи, подготовленный Михаилом Михайловичем Сперанским, включал 43 тысячи статей, распределённых по 15 томам согласно отраслевому принципу. Но в рамках нашей работы мы сосредоточимся на тех видах гражданских законов, которые касаются понятия собственности.

В 1832 году в X томе Свода законов Российской империи было впервые дано официальное толкование понятия «право собственности» в России. Ст. 420 этого закона гласила:

«Если кто-либо стал первым обладателем имущества путем его законного оформления в частную собственность и получил власть, в соответствии с порядком, установленным гражданскими законами, владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом исключительно и независимо от посторонних лиц вечно и наследственно, пока он не передаст эту власть другому или кому-то, кто получил эту власть непосредственно от первого обладателя или через последовательные законные передачи и оформления собственности, то этот человек имеет право собственности на данное имущество»¹.

Дореволюционные ученые цивилисты, такие как В. И. Синайский, Д. И. Майер, Е. В. Васьковский довольно часто в своих работах того периода часто указывали и обращали внимание на то, что само определение права собственности, изложенное в X томе Сборника законов Российской империи, является некорректным и подвергали критике догматику изложенного в законодательных актах. Они считали, что это определение слишком абстрактное и не даёт чёткого представления о том, что значит быть собственником.

Рассмотрим подробнее позиции этих учёных. Д. И. Мейер считал, что определение должно основываться на конкретных действиях, которые собственник может совершать со своей собственностью².

Более того, в настоящей работе хотелось бы обратить внимание на слова Е. В. Васьковского, который указы-

---

¹ Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1857.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право / ред. А. И. Вицын. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 326 с.

вал, что ст. 420 Свода законов не содержит достаточный перечень оснований, который закреплял бы общепринятый статус собственника и закрепляло бы за ним соответствующий статус.

Указанный учёный оставил довольно обширное наследие по исследованию института права собственности, в своих работах указывал на необходимость дополнения такого понятия словами «владение по давности». Указанная идея имела своё догматическое обоснование из ст. 533 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи, в котором указано, что само владение вещь в статусе собственника становится законным при соблюдении следующие необходимых критериев, а именно – необходимо владеть бесспорно, непрерывно, спокойно при длительности в сроки, установленные законом.

На период 1832 г., такое положение дел в законодательстве Российской империи никак не может соответствовать реальному положению дел в стране, указывал Е. В. Васильковский, подобные юридические концепции не отвечают действительности и не могут надлежащим образом защищать права собственников. Те положения были грубо импортированы государством на основе опыта западных стран в искажённом виде, без надлежащей проверки на адаптацию и интеграцию в российское правовое поле. Та концепция, которая была принята на законодательном уровне касательно давности владения в период XIX века, на практике способствовала повышению уровня мошеннических действий соответственно повышало уровень преступности в указанной сфере, так как добросовестность приобретателя не предусматривалась¹.

К. П. Змирлов выразил удивление по поводу использования слов «вечно» и «потомственно» для описания

---

¹ Васильковский Е. В. Учебник русского гражданского права. Введение и общая часть. Выпуск: 1-2 / Е. В. Васильковский. СПб., 1894. 245 с.

трёх правомочий собственника. Он указал, что вероятно, имущество имеющее свойство к быстрому разрешению, а также те вещи, которые каким-либо образом потребляются, расходуются не могут отвечать критерию объект права собственности. В свою очередь подобные выводы в корне противоречат основным положениям института права собственности [4, ст. 96].

Владение, использование и управление, которое отвечает критериям непрерывности и наследования согласно Змирлову, неприменимы к вещам, которые быстро портятся или потребляются. Это противоречит юридической природе права собственности и ставит под вопрос возможность существования таких вещей в гражданском обороте.

По итогам проведенного исследования можно выделить ключевые аспекты, характеризующие период развития и становления института права собственности в отечественной юридической литературе.

Во-первых, в первой половине XIX века была предложена концепция прав собственника, которая включает в себя три ключевых аспекта: владение, пользование и распоряжение. Эта концепция легла в основу дальнейших исследований в области права собственности, став важной вехой в развитии юридической мысли и практики.

Во-вторых, были выявлены значительные недостатки традиционной концепции прав собственности, что указывает на сложности, связанные с полным охватом всех полномочий. Данные выводы ставят под сомнение универсальность данной модели, открывая новые перспективы для дальнейших исследований в области теории прав собственности.

Заключение

Вопрос о сущности самого института права собственности является актуальным и обсуждаемым в современной

российской доктрине и при любых обстоятельствах является одной из самых актуальных тем в юридической литературе. Эта тема возникла в первой половине XIX века благодаря работам В. Г. Кукольника и М. М. Сперанского. Они предложили концепцию трёх прав собственника: владение, пользование и распоряжение.

Шершеневич исследовал эту концепцию и выявил её недостатки, связанные с невозможностью полного охвата всех полномочий. Законодательство разделяет концепцию полного права собственности, где владение, использование и управление объединены в одном лице. Однако эти полномочия не всегда применимы к каждой вещи отдельно.

Внедрение понятия «право собственности» в законодательство, его дальнейшее изучение и интерпретация видными цивилистами, а также обширная судебная практика привели к возникновению множества важных и противоречивых вопросов. Некоторые из них были частично разрешены в проекте Гражданского уложения Российской империи, который не был опубликован.

Таким образом, вопрос о содержании права собственности продолжает обсуждаться и развиваться в современной российской доктрине, основываясь на историческом опыте и актуальных проблемах.

Список литературы

1. Архипов С. И. Проблема триады права собственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 11. – С. 451.
2. Бевзенко Р. С. 12-томное издание проекта Гражданского уложения Российской империи с мотивами разработчиков. – СПб., 2015.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – М.: Территория будущего, 2005. – 681 с.
4. Змирлов К. П. О недостатках наших гражданских законов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1883. – № 5. – С. 96.
5. Кодан С. В. Концептуальные подходы к систематизации Российского законодательства М. М. Сперанского // Юридические исследования. – 2014. – № 11. С. 61–77.

6. Рубанов А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе. – 1986. – № 3. – С. 105–106.

7. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. – М.: Норма, 2011. – С. 120

References

1. Arhipov, S. I. (2011) Problema triady prava sobstvennosti [The problem of the triad of property rights]. *Nauchnyy yegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 11. P. 451. (In Russian).

2. Bezenko, R. S. (2015) *12-tomnoe izdanie proekta Grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy imperii s motivami razrabotchikov* [12-volume edition of the draft Civil Code of the Russian Empire with the motives of the developers]. Saint Petersburg. (In Russian).

3. Vladimirsky-Budanov, M. F. (2005) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow: Territory of the Future. (In Russian).

4. Zmirlov, K. P. (1883) O nedostatkakh nashikh grazhdanskikh zakonov [On the shortcomings of our civil laws]. *Journal of Civil and Criminal Law – Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. No. 5. P. 96. (In Russian).

5. Kodan, S. V. (2014) Konceptual'nye podkhody k sistematsizatsii Rossiyskogo zakonodatel'stva [Conceptual approaches to the systematization of Russian legislation]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*. No. 11. Pp. 61–77. (In Russian).

6. Rubanov, A. A. (1986) Problemy sovershenstvovaniya teoreticheskoy modeli prava sobstvennosti [Problems of improving the theoretical model of property rights]. *Razvitie sovetskogo grazhdanskogo prava na sovremennom etape – Development of Soviet civil law at the present stage*. No. 3. Pp. 105–106. (In Russian).

7. Chirkin, V. E. (2011) *Publichno-pravovoe obrazovanie* [Public law education]. Moscow: Norma. P. 120. (In Russian).

Об авторе

Тажмазиди Иван Иванович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: tahmazidi00@mail.ru

About the author

Ivan I. Tahmazidi, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: tahmazidi00@mail.ru.

Поступила в редакцию: 01.07.2024
Принята к публикации: 26.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 01 July 2024
Accepted: 26 August 2024
Published: 30 September 2024

К вопросу о концепции локального предмета доказывания в гражданском процессе

Е. А. Нахова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

В статье анализируется концепция локального предмета доказывания в гражданском процессе. Исследован фактический состав локального предмета доказывания в цивилистическом процессе. Автором констатируется, что фактический состав спорного процессуального правоотношения рассматривается как элемент механизма определения предмета доказывания. При выполнении частной обязанности по доказыванию доказываются именно факты – основания совершения процессуальных действий и факты – основания возражений против него.

Ключевые слова: цивилистический процесс, локальный предмет доказывания, механизм определения предмета доказывания, частные правила распределения обязанностей по доказыванию.

Для цитирования: Нахова Е. А. К вопросу о концепции локального предмета доказывания в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 123–137. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_123. EDN: WFWHXX

Review

UDC 347.941

EDN: WFWHXX

DOI: 10.35231/18136230_2024_3_123

On the Issue of the Concept of the Local Subject of Proof in Civil Proceedings

Elena A. Nakhova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
North-Western Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

The article analyzes the concept of a local subject of proof in civil proceedings. The actual composition of the local subject of proof in the civil process is investigated. The author states that the actual composition of the disputed procedural legal relationship is considered as an element of the mechanism for determining the subject of proof. When performing a private duty of proof, it is the facts – the grounds for the commission of procedural actions and the facts – the grounds for objections against it that are proved.

Key words: the civil process, the local subject of proof, the mechanism for determining the subject of proof, the particular rules for the distribution of evidentiary duties.

For citation: Nakhova, E. A. (2024) K voprosu o koncepcii lokal'nogo predmeta dokazyvaniya v grazhdanskom processe [On the Issue of the Concept of the Local Subject of Proof in Civil Proceedings]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 123–137. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_123. EDN: WFWHXX

Введение

Разграничение судебного доказывания и судебного познания как различных видов процессуальной деятельности в доктрине цивилистического процессуального права осуществляется по следующим основаниям:

а) *по процессуальной цели.* Убеждение суда в существовании в объективной действительности обстоятельств предмета доказывания выступает целью судебного доказывания. Судебная истина многими исследователями видится как конечный результат (цель) судебного познания.

б) *по субъектам, осуществляющим данные виды деятельности.* Субъектом познания является суд. Лиц, участвующих в деле, традиционно относят к субъектам доказывания.

в) *по содержанию процессуальной деятельности.* Структурно судебное познание и судебное доказывание содержат различные элементы структуры. Однако стоит отметить, что отдельные элементы структуры можно отнести к общим и для доказывания, и для судебного познания.

Различными представляются понятия «предмет доказывания» и «предмет познания», они различаются по объему, последний включает в себя не только факты предмета доказывания, но и обстоятельства, не подлежащие доказыванию. Под предметом доказывания понимаются обстоятельства – юридически значимые для рассмотрения и разрешения дела.

Первое упоминание категории «предмет доказывания» содержится в труде К. И. Малышева¹. Пристальное внимание к данной правовой категории обращали также в своих работах советские ученые-процессуалисты: Я. Л. Шутин, Т. А. Лилуашвили и Л. П. Смышляев и др. [9; 1; 5].

Фактический состав спорного правоотношения и его динамика (порядок накопления элементов в фактиче-

¹ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. 2-е. изд. СПб., 1876. Т. 1. С. 272.

ском составе) выступает важным элементом механизма определения предмета доказывания (далее – МОПД) наряду с другими элементами. Анализируя концепцию предмета доказывания и фактический состав как элемент МОПД следует обратить внимание на фактические составы с элементом-конкретизатором [3, с. 205–212], последние позволяют правоприменителю устанавливать обстоятельства дела с учетом конкретной ситуации, как бы «конструировать» предмет доказывания путем установления доказательственных фактов, на основе которых делается вывод об искомом обстоятельстве.

Также различны по содержанию понятия общего и локального предмета доказывания, изучением которых занимались К. И. Комиссаров, И. В. Решетникова, М. К. Треушников и др. исследователи.

Вид доказывания выступает основанием дифференциации между объектом доказывания и предметом доказывания. Путем установления общего предмета доказывания разрешается дело по существу. определение локального предмета доказывания связывается с основанием совершения процессуального действия [4, с. 47]. Достижения ближайших процессуальных целей, таких как обеспечение иска, истребование доказательств и т. д., является последствием установления фактов локального предмета доказывания. В литературе последние именовались «фактами-основаниями совершения процессуальных действий» [6, с. 36–38]. Аналогичную точку зрения на понятие локального предмета доказывания (объекта доказывания), занимает И. В. Решетникова [4, с. 48].

1. Понятие локального предмета доказывания в гражданском процессе

Для современной цивилистической процессуальной доктрины характерна поддержка концепции локально-

го предмета доказывания большинством правоведов [2, с. 98–103; 8, с. 515]¹. Под локальным предметом доказывания в процессуальной доктрине понимают совокупность процессуального-правовых юридических фактов, которые надо установить для совершения конкретного процессуального действия [10, с. 74, 75]. В литературе отмечаются некоторые основные положения при доказывании фактов локального предмета доказывания:

а) подчеркнем, что факты-основания совершения процессуального действия именуется фактами локального предмета доказывания.

б) необходимо отметить тесную взаимосвязь, существующую между непосредственным и опосредованным познанием юридических фактов при установлении обстоятельств локального предмета доказывания.

в) субъектами доказывания могут быть как обе стороны, так и одна из сторон, а также иные заинтересованные лица.

г) как в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и в ходе самого судебного разбирательства могут быть установлены обстоятельства локального предмета доказывания.

д) письменные и личные доказательства могут быть использованы для установление фактов локального предмета доказывания. Следует обратить внимание на принцип допустимости средств доказывания, согласно которому только определенными, указанными в законе средствами доказывания должны быть подтверждены определенные обстоятельства [11, с. 160–161].

Так, иностранная компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер в форме наложения ареста на имуще-

---

¹ Звягинцева Л. М., Плюхина М. А., Решетникова И. В. Доказывание в судебной практике по гражданским делам. М.: Норма, 1999. С. 16, 17; Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2016. С. 48–50; Опалев Р. О. Предмет доказывания по гражданским делам // Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. С. 130–131.

ство российского общества с ограниченной ответственностью на сумму 23 830,45 доллара США. Необходимость применения обозначенных мер заявитель обосновал тем, что регламентом Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации предусмотрены достаточно длительные сроки формирования состава арбитража, подготовки дела к заседанию и принятия решения. В совокупности на указанные процедуры может уйти пять–шесть месяцев. В связи с этим существует опасность, что к моменту принятия окончательного решения по делу у должника не останется имущества, либо имеющегося имущества будет недостаточно для удовлетворения требований заявителя, либо общие требования кредиторов должника намного превысят стоимость оставшихся активов. Вследствие этого заявитель лишится возможности реального исполнения решения. Рассмотрев заявленное ходатайство, арбитражный суд не нашел оснований для его удовлетворения, поскольку истцом не представлены доказательства того, что непринятие этих мер способно затруднить или сделать невозможным исполнение решения третейского суда, а также может причинить значительный ущерб заявителю. В данном случае заявитель не доказал факта существования реальной угрозы неисполнения решения третейского суда и отсутствия у ответчика имущества, не представил суду доказательств того, что ответчик своим поведением создает угрозу для исполнения судебного акта. Сама по себе ссылка на сроки рассмотрения дела в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации не подтверждает наличия угрозы неисполнения решения или причинения ущерба заявителю¹.

---

¹ См.: п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 07 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Хозяйство и право. 2004. № 10.

2. Фактический состав локального предмета доказывания в гражданском процессе

МОПД локального характера можно охарактеризовать как процессуально-правовое явление, состоящее из взаимосвязанных элементов.

В качестве последних в структуре МОПД локального характера следует назвать следующие элементы:

- юридическая квалификация спорного процессуального правоотношения.
- выявление структуры и содержания нормы процессуального права при определении локального предмета доказывания;
- конкретизация как форма судебного усмотрения при условии применения относительно-определенных процессуальных норм;
- полномочия суда при определении локального предмета доказывания.
- судебное познание требований и возражений лиц, участвующих в деле, содержащихся в ходатайстве о совершении процессуального действия;
- реализация судом этапов определения локального предмета доказывания;
- установление частных правил определения предмета доказывания;
- установление фактического состава процессуального правоотношения и его динамика, последовательность накопления элементов в фактическом составе.
- выявление судебных ошибок при выяснении обстоятельств локального предмета доказывания как факультативный элемент МОПД [3, с. 342–343].

3. Частные правила распределения обязанностей по доказыванию

Общие и специальные правила распределения обязанностей по доказыванию определяются на основании

установления общего предмета доказывания по делу, частные – локального.

Приведем пример из судебной практики с целью проиллюстрировать особенности определения локального предмета доказывания для совершения процессуального действия по обеспечению доказательств для выявления специфики частных правил распределения обязанностей по доказыванию.

Нормы ст. 64, 65 ГПК РФ, ст. 72 АПК РФ устанавливают обстоятельства локального предмета доказывания. Так, А. обратилась к Т. с иском о взыскании компенсации морального вреда, причиненного размещением изображения гражданина без его согласия. В судебном заседании 21 октября 2020 г. от А. поступило ходатайство об обеспечении доказательств в связи с тем, что заявитель опасалась удаления информации с интернет-сайтов, она просила суд в целях обеспечения доказательств произвести проверку размещения ее изображения в сети «Интернет» на сайтах по указанным ссылкам, составить протокол осмотра страниц в сети с указанием применяемых технических средств с последующим копированием на USB-носитель. Привлечь специалиста для осмотра страниц в сети интернет, и дежурных судебных приставов-исполнителей или иных сотрудников суда в качестве понятых. Определением судьи Великолукского городского суда Псковской области от 21 октября 2020 г. в удовлетворении ходатайства отказано. Апелляционным определением Псковского областного суда от 8 декабря 2020 г. определение судьи Великолукского городского суда Псковской области от 21 октября 2020 г. об отказе в удовлетворении ходатайства об обеспечении доказательств отменено, материал направлен в Великолукский городской суд Псковской области для решения вопроса об обеспе-

чения доказательств с совершением соответствующих процессуальных действий. В кассационной жалобе Т. просит отменить апелляционное определение Псковского областного суда от 8 декабря 2020 г., как постановленное с нарушением норм процессуального права. Проверив материалы дела, оценив доводы кассационной жалобы, оснований для ее удовлетворения суд кассационной инстанции не усмотрел, в силу следующего. Отказывая в удовлетворении ходатайства об обеспечении доказательств, суд первой инстанции пришел к выводу, что нормы ГПК РФ, регулирующие вопросы обеспечения доказательств, не возлагают на суд такой обязанности, в то время как у истца имеется возможность обратиться за таким действием к нотариусу. Суд не обладает специальными познаниями по фиксации и закреплению доказательств, а судебные приставы и работники суда не могут быть привлечены для участия в соответствующих процессуальных действиях, так как это не входит в круг их обязанностей. С данными выводами суда не согласился суд апелляционной инстанции. Проанализировав приведенные обстоятельства, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что по данному делу угроза утраты доказательств была указана истцом в качестве основания заявленного ходатайства обоснованно, поскольку размещенная информация на сайтах в сети «Интернет» может быть удалена лицом ее разместившим. Однако судья не произвел действий по обеспечению доказательств, формально указав на свое право, а не на обязанность, и на возможность обращения истца к нотариусу, устранившись от содействия сторонам в собирании доказательств и их истребовании. Суд не учел тот факт, что лица, участвующие в деле, имеющие основания опасаться, что представление необходимых для них до-

казательств окажется впоследствии невозможным или затруднительным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств¹.

Факты правоустанавливающего, правопрепятствующего, правоизменяющего, правопрекращающего характера как основания совершения процессуальных действий определяются в ходе установления обстоятельств локального предмета доказывания. Обязанность доказывания последних лежит на заинтересованном лице. Обязательность участия заинтересованных лиц в судебном заседании по разрешению процессуального вопроса предопределяет специфику частных правил распределения обязанностей по доказыванию. Каждая доказывает основания своих требований и возражений, если в судебном заседании участвуют обе стороны. Процесс доказывания характеризуется устностью и письменностью. Если разрешение вопроса осуществляется без вызова заинтересованных лиц, то обязанность по доказыванию несет заявитель, предоставляя доказательства только в письменной форме.

Заключение

В настоящее время существует запрос на эффективное правосудие, способное достичь социально-значимых целей, обеспечить защиту прав участников правоотношений. В системе защиты прав и свобод последних гарантии эффективности правосудия выступают ключевыми элементами. Гарантии эффективности правосудия обеспечивают вынесение судом справедливых судебных актов, всестороннее, полное и своевременное рассмотрение дела, способствуют укреплению доверия общества к судебной системе в целом. Гарантии

---

¹ См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31 мая 2021 г. по делу № 8Г-7623/2021[88-9196/2021] // СПС ГАРАНТ.

эффективности правосудия включают в себя как конституционные принципы осуществления правосудия, так и иные аспекты организации судебной системы и управления правосудия:

а) к таковым прежде всего относится независимость судей. Судьи независимы, подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Гарантиями этого принципа выступают, например, порядок назначения судей на должность, социально-экономические, политические, юридические гарантии независимости.

б) гарантией эффективности правосудия выступает конституционный принцип равенство всех перед законом и судом. Конституционный принцип равенства, где закреплено его содержание, выступает также гарантией справедливого судебного разбирательства.

в) принцип гласности способствует повышению доверия к судебным органам и предотвращает возможные злоупотребления правами. Судебные заседания должны быть открытыми, гласными, исключения составляют случаи, указанные в законе.

г) право на квалифицированную юридическую помощь обеспечивает равенство сторон и повышает качество принимаемых судебных актов.

д) разумные сроки осуществления правосудия свидетельствуют о справедливости судебного процесса.

е) право на обжалование судебных актов выступает гарантией исправления судебных ошибок.

ж) ответственность за нарушение закона для суда и иных участников процесса выступает гарантией недопущения злоупотребления процессуальными правами и полномочиями.

з) поэтапное внедрение электронного правосудия, информационных технологий, технологий искусственного интеллекта способствует своевременному рассмотрению

дел и соблюдению процессуальных сроков, а также доступности правосудия.

и) международное сотрудничество в области стандартов правосудия способствует в отсутствие нарушений национального суверенитета также способствует эффективности правосудия и др.

Гарантиями эффективности правосудия также выступают вынесение законных и обоснованных судебных актов. Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов¹.

Обеспечивая действенность правосудия, а не его формальный характер, указанные требования, предъявляемые к судебному акту, также определяют его эффективность.

Принятие обоснованных судебных актов свидетельствует об эффективности доказательственной деятельности. Правильное определение фактов общего и локального предмета доказывания является гарантией обоснованности судебного акта. Эффективное доказывание свидетельствует о правильном определении фактов общего и локального предмета доказывания, о дока-

---

¹ О судебном решении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015). П. 3, 4 // СПС КонсультантПлюс.

занности этих фактов допустимыми доказательствами, о соответствии выводов суда, изложенных в судебном акте, обстоятельствам дела, и в связи с этим, отсутствием судебной ошибки в судебном акте.

Эффективное доказывание обеспечивает справедливость судебного акта, поскольку на основе представленных доказательств суд приходит к выводам по делу. На эффективность правосудия в целом влияет правильное определение фактов общего и локального предмета доказывания как результат эффективной доказательственной деятельности.

Видится целесообразность закрепления понятия «локальный предмет доказывания», правовая природа которого впервые была изучена В. В. Ярковым [10, с. 74,75], в процессуальном законе, как результат проведенного исследования, а также механизм его определения: суд устанавливает факты локального предмета доказывания, необходимые для совершения процессуального действия. Обстоятельства локального предмета доказывания определяются на основе применения нормы процессуального права с учетом требований и возражений лиц, участвующих в деле, а также иных заинтересованных лиц. Обязанность доказывания фактов локального предмета доказывания возлагается на заинтересованное лицо.

Список литературы

1. Лилуашвили Т. А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. – Тбилиси, 1957. – 103 с.
2. Малюгин С. В. Локальный предмет доказывания в уголовном судопроизводстве России // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 98–103.
3. Нахова Е. А. Теоретические и прикладные проблемы учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве: монография. – СПб.: ВВМ, 2023. – 439 с.
4. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 1997. – 366 с.

5. Смышляев Л. П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М., 1961. – 47 с.
6. Треушников М. К. Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 95 с.
7. Треушников М. К. Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. – М., 2021. – 302 с.
8. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Новый Индекс, 2010. – 621 с.
9. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. – М., 1963. – 186 с.
10. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.
11. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Интропик Медиа, 2012. – 608 с.

References

1. Liluashvili, T. A. (1957) *Predmet i bremya dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject and burden of proof in the Soviet civil procedure]. Tbilisi. (In Russian).
2. Malyugin, S. V. (2014) Lokal'nyj predmet dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [The local subject of proof in the criminal proceedings of Russia]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 2. Pp. 98–103. (In Russian).
3. Naxova, E. A. (2023) *Teoreticheskie i prikladny'e problemy ucheniya o predmete dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya* [Theoretical and applied problems of the doctrine of the subject of evidence in civil proceedings: monography]. Saint Petersburg: «VVM». (In Russian).
4. Reshetnikova, I. V. (1997) *Dokazatel'stvennoe pravo v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidentiary law in civil proceedings]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta. (In Russian).
5. Smyshlyayev, L. P. (1961) *Predmet dokazyvaniya i raspredelenie obyazannostej po dokazyvaniyu v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the Soviet civil procedure]. Moscow. (In Russian).
6. Treushnikov, M. K. (1981) *Otnosimost' i dopustimost' dokazatel'stv v grazhdanskom processe* [Relevance and admissibility of evidence in civil proceedings]. Moscow: Yurid. lit. (In Russian).
7. Treushnikov, M. K. (2021) *Sudebny'e dokazatel'stva* [Judicial evidence]. 5th ed. Moscow. (In Russian).
8. Fokina, M. A. (2010) *Mexanizm dokazyvaniya po grazhdanskim delam: teoretiko-prikladny'e problemy* [The mechanism of evidence in civil cases: theoretical and applied problems]. Moscow: Novyj Indeks. (In Russian).
9. Shtutin, Ya. L. (1963) *Predmet dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof in the Soviet civil procedure]. Moscow. (In Russian).
10. Yarkov, V. V. (1992) *Yuridicheskie fakty v mexanizme realizacii norm grazhdanskogo processual'nogo prava*. [Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedure law]. Ekaterinburg. (In Russian).
11. Yarkov, V. V. (2012) *Yuridicheskie fakty v civilisticheskom processe* [Legal facts in the civil process]. Moscow: Intropik Media. (In Russian).

Об авторе

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0001–8463–6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

About the author

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg; North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg; Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0001–8463–6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 22.07.2024
Принята к публикации: 26.08.2024
Опубликована: 30.09.2024*

*Received: 22 July 2024
Accepted: 26 August 2024
Published: 30 September 2024*

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемные аспекты наказания

Р. Д. Чепаров

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

Актуальность темы научной статьи обусловлена вопросом целесообразности существования наказания в виде лишения прав в уголовном законе, ведь на сегодняшний день данное наказание может быть заменено другим его видом, также ограничивающим социально-трудовые права осужденных.

В работе поднимается проблема недостаточности карательной функции изучаемого наказания. В научном исследовании рассмотрено значение сроков данного наказания, их соотношение с судимостью, а также отсутствие разумности при указании сроков наказания в случаях, когда лицо в перспективе не сможет занимать должность или осуществлять деятельность даже при наличии снятой и погашенной судимости. Также обосновывается, что любое уголовное наказание порождает судимость, а поэтому для запрета занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью не имеет значения вид назначенного наказания. Анализируется важность восполнения правового пробела в применении исследуемого наказания в том числе и к должностям в коммерческих и иных общественных организациях.

По результатам исследований предлагается направить усилия научного сообщества на решение существующих проблем в области рассматриваемого уголовного наказания в целях предотвращения избыточности уголовно-правовых норм в уголовном законе РФ.

Ключевые слова: трудовая правоспособность, лишение права занимать определенные должности, лишение права заниматься определенной деятельностью, уголовно-правовой инструментарий, ограничение трудовых прав, мера уголовно-правового воздействия, основной вид наказания, дополнительное наказание.

Для цитирования: Чепаров Р. Д. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемные аспекты наказания // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 138–159. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_138. EDN: XHOJRC

Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities: Problematic Aspects of Punishment

Roman D. Cheparov

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

The relevance of the topic of the scientific article is due to the question of the appropriateness of the existence of a punishment in the form of deprivation of rights in the criminal law, because today this punishment can be replaced by another type, which also limits the social and labor rights of convicts.

The paper raises the problem of the insufficiency of the punitive function of the punishment under study. The scientific study examines the significance of the terms of this punishment, their correlation with the conviction, as well as the lack of reasonableness in specifying the terms of punishment in cases where a person will not be able to hold a position or carry out activities in the future even if the conviction has been removed and expunged. It is also substantiated that any criminal punishment gives rise to a criminal record, and therefore the type of punishment imposed does not matter for the prohibition to hold a certain position or engage in a certain activity. The importance of filling the legal gap in the application of the punishment under study, including to positions in commercial and other public organizations, is analyzed.

Based on the results of the research, it is proposed to direct the efforts of the scientific community to solving existing problems in the area of criminal punishment under consideration in order to prevent the redundancy of criminal law norms in the criminal law of the Russian Federation.

Key words: labor capacity, deprivation of the right to hold certain positions, deprivation of the right to engage in certain activities, criminal law instruments, restriction of labor rights, measure of criminal law influence, main type of punishment, additional punishment.

For citation: Cheparov, R. D. (2024) Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatelnost'yu: problemnye aspekty nakazaniya [Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities: Problematic Aspects of Punishment]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 138–159. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_138. EDN: XHOJRC

Введение

Наказание в Российской Федерации (далее – РФ) в своем содержательном аспекте многогранно. Некоторые его виды направлены на изоляцию от общества лица, совершившего преступление, для стабильного поддержания безопасности значимых ценностей населения, другие – устанавливают ограничения в имущественных правах осужденных, а третьи – не только умаляют имущественные права, но и ограничивают трудовую правоспособность виновных лиц.

Среди третьей категории наказаний особый интерес представляет лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Реализуемые в рамках исполнения наказания правоограничения, в конечном итоге, приводят к снижению размера дохода осужденных, что оказывает существенное воздействие на социально-экономическое положение, лишают значительного числа привилегий, которыми изначально обладали осужденные. Именно здесь несколько завуалировано прослеживается карательное свойство наказания [2]. Помимо ущемления имущественного и социального положения на осужденного также оказывается и морально-психологическое давление, которое может выражаться в лишении возможности заниматься делом, к которому осужденный испытывает сильное увлечение, заниматься избранной профессией, в прерывании трудового стажа, в безработице, а также в морально-нравственных страданиях и пр. [6, с. 389]. Однако помимо вышеуказанных лишений, осужденный взамен не претерпевает дополнительных физических ограничений. Он не лишается личной свободы, не привлекается к осуществлению работ и, тем более, не уплачивает денежное взыскание в государственный бюджет. В связи с этим, актуальность темы исследования не вызы-

вает сомнений и объективируется в анализе действительности механизма применения наказания. В частности, в изучении проблем, насколько эффективно работает этот механизм и нужен ли он современному состоянию правовой системы, ведь имеющийся на сегодняшний день многосторонне развитый уголовно-правовой инвентарий предусматривает множество иных способов лишения или ограничения трудовых прав осужденных.

1. Различные научные аргументы о структуре и степени строгости лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Относительно количества наказаний, входящих в структуру лишения прав в уголовном праве как в науке присутствует несколько научных взглядов. В заблуждение вводят два составляющих элемента, используемых законодателем при построении правовой конструкции статьи 47 УК РФ. Крылова Е. С. говорит о двух самостоятельных видах наказания, которые юридически закреплены в статье 47 УК РФ¹. Осужденным в несовершеннолетнем возрасте назначается только лишение права заниматься определенной деятельностью. Схожую позицию разделяет и Капелюшник М. С., говоря о том, что зарубежная практика складывается аналогичным образом [3, с. 25]. Н. Мирошниченко приводит веский аргумент, что уголовное наказание вообще предусматривает три полноценных вида, а именно: лишение права занимать должности, заниматься профессиональной деятельностью и заниматься иной (непрофессиональной) деятельностью [8, с. 52].

Диаметрально противоположную позицию высказывает В. В. Агильдин. Он убеждает нас в том, что лишение права

---

¹ Крылова Е. С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 16.

состоит либо в запрете занимать определенные должности, либо заниматься определенной деятельностью, то есть возможен лишь один вариант [1, с. 40].

Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться как в качестве основного вида наказания сроком от одного года до пяти лет, так и в качестве дополнительного вида наказания – от шести месяцев до трех лет [5]. Такие наказания в некоторой степени способствовали совершению преступного деяния¹.

Основное наказание по существу не может являться наказанием в буквальном смысле. Связано это с тем, что лицо, лишаясь права осуществления дальнейшей карьеры по определенному трудовому статусу, окончательно не обременено запретом осуществлять иную деятельность, пусть и не связанную с государственной и муниципальной службой. Представляется, что должность в какой-нибудь коммерческой организации, за исключением, как правило, руководящей должности, ему может быть вполне доступна. Таким образом, лицо, лишенное прав вследствие действующего запрета, впоследствии сохраняет стабильный доход, не утрачивая свое имущественное состояние даже в том случае, если размер дохода несколько ниже, чем по должностям в органах государства или муниципалитета. Лишение права заниматься определенной деятельностью, которое выражается, например, в изъятии водительских прав, не устанавливает ограничений в осуществлении иных видов деятельности, поэтому осужденному не составит труда найти другое профессиональное или любительское занятие. Проблема может возникнуть в том случае, если деятельность лица является единственным источником

---

¹ Уголовное право. Общая часть. Издание второе переработанное и дополненное / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапова, А. И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2008. С. 377.

заработка, а также выступает единственной профессией, которой он занимается. Суд при вынесении приговора обязан изучить вопрос и принять взвешенное решение. Постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывает на изложенное обстоятельство: «Рекомендовать судам при назначении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью при наличии к тому оснований и с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, обсуждать вопрос о целесообразности его применения в отношении лица, для которого соответствующая деятельность связана с его единственной профессией»¹. Обратим внимание, что Верховным судом РФ не случайно в данном разъяснении сделана оговорка о том, что вопрос о целесообразности назначения ставится лишь в случае с дополнительным наказанием. Обусловлено это тем, что осужденный, помимо применения указанного лишения прав, отбывает и основное наказание, поэтому положение более ухудшается.

Приведем пример, медицинский работник имеет одно высшее образование и работает пятнадцать лет в должности врача-педиатра. Он обвиняется в совершении преступления, последствием которого выступает увольнение, хотя это единственная профессия гражданина и только этим он обеспечивает свою семью и собственное существование. В результате претерпевания негативных последствий наказания врач-педиатр утрачивает свое имущественное положение, что обоснованно подтверждается его виной. Впрочем, в приведенном примере, данное наказание, лишая осужденного единственной профессии, не возводит в абсолютное значение отсутствие возмож-

---

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

ности в дальнейшем заниматься иным видом трудовой деятельности. Априори немислимы ситуации, когда лицо, лишаясь места работы, не способно выполнять другой приемлемый вариант труда, даже при наличии у него образования лишь по единственной профессии.

Действительно, осужденные лишаются своего привычного вида трудовой деятельности, поневоле устраиваются на работу, которая не требует наличия специальной квалификации, особенных навыков и высоких умений. Как правило, подобная работа является менее престижной и низкооплачиваемая. Как отмечает Е. С. Литвина, в этом выражается одна из нескольких характеристик наказания, а именно: «объективное воздействие на имущественное положение виновного лица»¹. Однако это утверждение не доказывает, что лишение прав – наказание, которое может назначаться лишь в случаях, когда оно используется в качестве основного, следовательно, формулировать однозначный вывод об этом не совсем корректно. Будет непременно согласовываться с практикой зарубежных стран, например, с УК Швейцарии и Польши, отнесение изучаемого наказания лишь к числу дополнительных видов. Это вызвано признанием наказания в развитых зарубежных странах только дополнительным к основному.

В науке существует мнение, что нельзя рассматривать в качестве наказания данный уголовно-правовой институт, хотя он и несет в себе признаки наказания, однако является лишь дополнительным последствием совершения общественно опасного деяния, в связи с чем, рациональнее отнести правовую категорию к иным мерам уголовно-правового характера.

Более того, статистические данные, используемые в исследовании, позволяют укрепить суждение об отсутствии

---

¹ Литвина Е. С. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 122.

необходимости в лишении прав как уголовного наказания. Так, И. А. Подройкина указывает, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в форме основного наказания присутствует в 39 составах преступлений, что составляет 4,8 % от общего числа санкций преступлений. Применение наказания в виде дополнительного изложено в 225 санкциях, составляющих 22,7 % от общего числа санкций, являясь часто применяемым видом среди дополнительных наказаний, перечисленных в Особенной части УК РФ [10].

Судебная практика доказывает то же самое. За период 2023 года к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания осуждено – 146 человек, а к дополнительному наказанию за 2023 год осуждено – 68131 лиц¹.

Также наказание может назначаться в качестве дополнительного даже в тех случаях, когда оно прямо не предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ. Следовательно, суд, назначая наказание, в действительности переступает пределы санкции статьи, усиливая принудительный характер наказания по сравнению с максимально доступным по соответствующей санкции Особенной части [7, с. 204].

2. Проблемы в установлении сроков лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Единственным критерием при определении тяжести и категории преступления являются сроки. Это самые распространенные временные пределы наказания,

---

¹ Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/12/s/8> (дата обращения: 10.07.2024).

свойственные большинству их видов. На уровне закона дифференцируются нижние и верхние пределы рассматриваемого наказания. В форме основного – назначается от одного года до пяти лет, а в форме дополнительного – от шести месяцев до трех лет [4, с. 230]. Важно отметить, что в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, данный вид наказания может назначаться на срок до двадцати лет и при условии назначения только как дополнительного. Более того, такое длительное запрещение должно обуславливаться конкретными обстоятельствами дела, например, как указал Пленум Верховного суда РФ, лишение права заниматься деятельностью, связанной с детьми, при осуждении по ч. 5 ст. 131 УК РФ¹. По мнению Сундунова Ф. Р. и Тарханова И. А., более продолжительные сроки данного наказания необходимо и рационально предусмотреть в отношении конкретных преступных субъектов, например, взяточников, казнокрадов, террористов, участников преступных сообществ и др.² Кроме того, повышенный срок наказания в том числе предусмотрен и за склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств и психотропных веществ³.

При возникновении течения срока исполнения основного наказания, важно оговорить тот факт, что оно появляется с момента вступления судебного приговора в законную силу. Что касается момента начала течения сроков отбывания наказания, выступающего дополнительным, при применении *к основному в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ и при условном осуждении*, то здесь все складывается полностью

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 545.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 304.

аналогичным образом. С момента вступления решения суда в юридическую силу дополнительное наказание исчисляется параллельно и одновременно с основным. Но срок наказания, применяемого в качестве дополнительного *к основному, в виде ограничения свободы, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы* исчисляется со дня освобождения осужденного из исправительного центра, из-под ареста, из дисциплинарной воинской части или исправительного учреждения. При этом, требование приговора о лишении занимать должности или заниматься деятельностью распространяется на все время отбывания осужденным основных наказаний¹.

Относительно сроков лишения прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью существует множество проблем. В чем именно выражается сущность данного вида наказания помимо того, что оно на определенный срок лишает виновных права занимать должности и осуществлять деятельность, с которыми прямо или косвенно связано инкриминируемое им преступление? Обоснованно применять данный вид наказания к лицам, занимающим государственные и муниципальные должности, которые в ущерб публичным интересам ставят личные интересы в приоритетное положение. Например, получение взятки, превышение или злоупотребление должностных полномочий, подлог служебных документов и другие схожие общественно опасные деяния выступают именно тем фактором, который разумно позволяет назначить осужденным наказание, устанавливающее вышеуказанные запреты.

Однако, сущность данного вида наказания в науке уголовного права строится и на многочисленных противоречиях. В преобладающем большинстве случаев отсут-

---

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2016. С. 364.

ствуует здравый смысл в установлении сроков лишения прав по указанному наказанию. Как нам представляется, истечение срока исследуемого наказания должно допустить государственного или муниципального служащего, иного лица к занятию той должности или деятельности, которых они временно лишились в результате совершенного противоправного деяния. Но актуальной проблемой выступает вопрос сопоставления исследуемого наказания с уголовно-правовым институтом судимости. Истечение срока отбывания наказания не свидетельствует о быстром восстановлении на работе и непременном осуществлении возложенных на лицо должностных, служебных и трудовых обязанностей.

Понятие судимости служит ограничивающим фактором во многих нормативно-правовых актах при трудоустройстве на службу, работу, а также при продолжении трудовой функции. Уголовная ответственность, которая реализуется путем применения всего взаимосвязанного комплекса наказаний, в любом случае порождает негативные правовые последствия в виде судимости. Кроме того, большинство федеральных законов, связанных с государственной службой, с профессиональной деятельностью, содержат прямой запрет на занятие соответствующих должностей и выполнение конкретных видов деятельности при наличии судимости. Из этого следует, что не имеет значения для лишения лица «трудовых» прав вид назначенного наказания, поскольку судимость в любом случае повлечет указанные ограничения как при приеме на работу, так и в процессе осуществления соответствующей деятельности.

В подтверждение вышесказанного следует привести позицию А. А. Нечепуренко, который обосновывает, что запреты определенных сфер трудовой деятельности на определенный срок или на всю жизнь для осужден-

ного обеспечиваются наличием судимости, а при отсутствии (снятие или погашение) – предупредительными мерами, которые находят свое отражение во целом ряде федеральных законов. Меры эти изложены в виде обязательных требований для кандидатов на соответствующие должности и виды деятельности [9, с. 64]. В подавляющем большинстве случаев речь идет о действующей судимости, которая выступает как бы «искусственным барьером» для занятия определенной должности или для занятия определенной деятельностью. Таким образом, вышеуказанное наказание в том виде, в котором оно в настоящее время закреплено в уголовном законе, утрачивает смысл, поскольку может быть заменено любым другим видом наказания из их общего числа. После отбывания наказания срок погашения судимости, возникающий со следующего дня после снятия ограничений, прекращается по прошествии одного года, так как это наказание признается более мягким, чем лишение свободы. Представляется, что исполнение наказания и истечение следующей за ним судимости позволит осужденному в кратчайшие сроки вновь приступить к работе в определенной сфере трудовой деятельности. Однако в таком случае, наказание ничем не отграничивается от другого более мягкого наказания, в связи с чем, отпадает необходимость в регламентации наказания. Кроме того, если лишение прав назначается в качестве дополнительного наказания, то срок погашения судимости будет исчисляться с момента отбывания дополнительного вида наказания, но по отношению к основному, поэтому незначительный срок погашения судимости не является решающим фактором в рамках рассматриваемого наказания.

Относительно права на занятие определенной деятельностью срок выступает приемлемым признаком, поскольку закон формально не возлагает ограничений

при наличии у лица судимости, например, на управление транспортным средством, а поэтому судимость и ее погашение или снятие не создает для лица запрета продолжать реализовывать права, связанные с управлением автомобилем. Следовательно, подобное лишение водительских прав на определенный срок в наказание за преступление вполне уместно.

Более того, в ряде случаев усматриваются препятствия для устройства на работу в виде снятой и истекшей судимости у субъектов в органах государственной власти и местного самоуправления. В первую очередь, это касается должностей в правоохранительных органах, в органах системы правосудия и пр¹.

Так, Федеральный закон № 40-ФЗ от 03.04.1995 «О федеральной службе безопасности» устанавливает, что *«препятствуют заступлению на службу и ее продолжению наличие судимости в настоящее время и в прошлом, в том числе снятой и погашенной, также если прекращено уголовное преследование за истечением срока давности или имеется примирение сторон, акт об амнистии или деятельное раскаяние»*².

В соответствии с Федеральным законом № 2202-1 от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации», лицо не принимается на службу в органы прокуратуры и подлежит увольнению со службы, если оно: *«имело в прошлом или имеет в настоящем судимость»*³.

Запрещающие требования об имевшейся судимости распространены и в других нормативно-правовых актах, связанных непосредственно со службой в государственных органах.

---

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / [Беляев В. Г., Бойко А. И., Ветров Н. И. и др.]; под ред. В. Н. Петрашева. М.: ПРИОР, 1999. С. 403.

² О федеральной службе безопасности: федер. закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

³ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

В другом Федеральном законе № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» указано, что гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае его осуждения к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия неснятой или непогашенной судимости¹. Налицо несколько иная формулировка категорических требований. Законоположение порождает вывод о потенциальном занятии государственно-гражданских должностей при наличии погашенной и снятой судимости. В связи с этим, применительно к данной категории должностей срок лишения права может быть обоснованно применим. Государственному гражданскому служащему закон запрещает занимать должности лишь с действующей судимостью, но после ее погашения или снятия он может вернуться к исполнению своих обязанностей. Более того, отсутствует логика в регламентации в указанном Федеральном законе формулировки: *«наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей»*, в связи с тем, что любое наказание влечет за собой судимость. Поскольку на должность гражданской службы не может рассчитывать лицо, имеющее действующую судимость, то некорректно упоминать о наказаниях, признаки которых подпадают под данную законодательную формулировку.

Более насущной проблемой выступает существенное противоречие требований, которые предъявляются к службе в муниципальных органах. В соответствии с Федеральным законом № 25-ФЗ «О муниципальной

---

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

службе в Российской Федерации», гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе в случае его осуждения к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу¹.

Получается, что в органах местного самоуправления могут работать лица, привлеченные к уголовной ответственности и имеющие судимость, что противоречит принципу справедливости. С формально-юридической точки зрения, в этом правовом положении заключается несовершенство законодательной техники. Как нам представляется, муниципальный служащий, совершивший хищение денежных средств из муниципального бюджета, теоретически в дальнейшем, на законном основании, может вновь заступить на эту же должность, будучи ранее судимым за указанное преступление. На основании этого, предлагается, как минимум, привести данную правовую норму в соответствие с законом России о государственной гражданской службе, где прямо установлен запрет на занятие должностей, будучи судимым. Соответственно, в той редакции данного Федерального закона, в которой он действует в настоящее время, срок исследуемого наказания считается целесообразным условием применительно к вышеуказанным должностям.

3. Проблемы правового закрепления лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Акцентируя глубокий взгляд на наказание, перед нами предстает противоречие уголовно-правовых норм.

---

¹ О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

Коллизия обусловлена отсутствием системного подхода к регламентации наказания, в связи с чем, усматривается существенное противоречие между двумя объемными частями УК РФ. Из первой (Общей) вытекает, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применяется только к лицам, которые занимают должности на государственной службе, в органах местного самоуправления, а также занимаются профессиональной или иной деятельностью. Особенная часть УК РФ содержит отклонение от императивного правила закона. Так, ч. 2 ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» устанавливает рассматриваемое наказание в качестве санкции. При этом, оно подлежит применению к лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. В подтверждение сказанного приведем пример из судебной практики. Приговором от 21.02.2021 г. Октябрьского районного суда г. Тамбова по ч. 2 ст. 201 УК РФ осужден генеральный директор одной коммерческой организации. Ему назначено дополнительное к лишению свободы наказание в виде лишения прав занимать должности в коммерческих организациях, связанных с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 2 (два) года¹.

Исходя из этого, представляется, что законодатель, а вслед за ним и правоприменитель, фактически расширили пределы применения наказания, вопреки сложившимся требованиям, установленным ст. 47 УК РФ. В связи с этим, возникает приемлемый вопрос: «Является ли подобное отступление от правила технической, юридической ошибкой правотворца или же это стрем-

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 21.02.2022 по делу № 1-128/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-68RS0001-1-128-2022-1-887-2021-11-30-2-0/?ysclid=lv4pxhbp514045515#anchor> (дата обращения: 03.08.2024).

ление законодателя обратить внимание общества, в том числе научного, на необходимость применения исследуемого наказания также к лицам, занимающим руководящие должности в коммерческих и иных организациях?» Указанная проблема вполне обоснована. До сегодняшнего дня, на нормотворческом уровне она не нашла своего объективного решения, хотя в научном сообществе не раз указывали на ее существование. Предлагается для наращивания противостояния с преступностью в сфере экономики заимствовать многолетним образом сложившийся опыт некоторых зарубежных стран, введя в ст. 47 УК РФ лишение прав на все сферы предпринимательской деятельности. Негосударственный сектор экономики занял в государстве преобладающие позиции. На сегодняшний день коммерческие структуры оказывают эффективное влияние на государственную жизнь [3, с. 25].

Предлагаем необходимым расширить пределы наказания по кругу лиц, распространив его и на должности в коммерческих и иных организациях. Мотивируется это также тем, что руководящая должность в какой-либо коммерческой организации связана с получением прибыли, размер которой во многих случаях превосходит финансовый уровень служащих государства, а тем более и муниципалитета. Генеральные директора, директора, главные бухгалтеры, заместители директоров, начальники управлений и отделов определяют политику компании, принимают важные экономические решения, организуют работу персонала, руководят движением финансовых инструментов и т. д., а поэтому принятие мер по лишению прав таких лиц на занимаемые ими должности обладает серьезным карательным потенциалом и, соответственно, служит эффективным способом реализации функции правосудия.

Нельзя согласиться с позицией В. М. Лебедева, полагающего, что наказание можно назначать как дополнительное за преступление, не связанное с занимаемой должностью виновного, например, за коммерческий подкуп. В этих случаях дополнительное наказание следует назначать в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, а именно: деятельностью, связанной с выполнением управленческих функций в организациях коммерческой направленности [5]. Вышеприведенное мнение противоречит существу наказания, поскольку запрет на занятие определенной деятельностью включает в содержание лишь деятельность по профессии или по соответствующим интересам. В нашем случае речь идет об управленческих должностях в коммерческих организациях, следовательно, генеральный директор или его заместитель – это должности, а не профессиональная или иная деятельность. Следуя логике подобных рассуждений, логично исключить из Уголовного кодекса РФ запрет занимать определенные должности, ведь суду предоставится право устанавливать следующую формулировку в резолютивной части любого обвинительного приговора: *«... назначить ему наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, связанной с выполнением управленческих функций в государственных органах и в органах местного самоуправления»*. В правовом поле России такая редакция приобретет универсальный правовой статус и будет применяться по отношению ко всем существующим видам трудовой деятельности вне зависимости от того, профессия или конкретная должность.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было включено в УК РФ в качестве альтернативной лишению свободы и тем самым служит отражением принципа

гуманизма в развитом демократическом государстве. Подобными действиями законодатель пытается использовать более лояльные способы реализации уголовной ответственности, поскольку в значительной степени убежден в их эффективности. Однако рассматриваемое наказание не способно в полной мере оказать положительное исправительное, воспитательное и предупредительное воздействие на осужденных.

Применение наказания в ряде случаев нецелесообразно, так как лицо, привлекаясь к уголовной ответственности по любому из остальных видов наказаний, не сможет занимать должности в органах государственной власти даже в случае имевшейся, но не имеющейся судимости. Соответственно, к подобным должностям отсутствует смысл устанавливать наказание, поскольку любой другой вид повлечет тождественные последствия. В то же время не следует обходить стороной тот факт, что применение лишения права на занятие определенной деятельностью имеет право на существование, поскольку осужденный на установленный судом период лишается права, например, права управления транспортными средствами, а другие виды наказаний в таком случае данного права не ограничат. Судимость здесь не будет являться препятствующим для этого фактором.

Наконец, пределы рассматриваемого наказания весьма жестко ограничены законодателем до должностей органов государственной власти и местного самоуправления, хотя аналогичные функции осуществляют и лица, находящиеся на руководящих должностях в коммерческих и иных организациях, совершающие преступления в экономической плоскости, обладая при этом, в ряде случаев, еще большим финансовым состоянием. Следовательно, круг лиц осужденных, направляемых на исполнение этого наказания, необоснованно сужен, что влечет

за собой дискриминацию служащих государственного аппарата и муниципального управления, к которым данный уголовно-правовой институт применим.

Заключение

Таким образом, мы понимаем, что данное наказание весьма специфично и в большинстве случаев не обладает правовой значимостью для регулирования отношений, возникающих из совершения преступлений, поскольку зачастую оно способно быть заменимым иным видом уголовно-правового воздействия.

Именно на эти поставленные в исследовании проблемы обращаем внимание всего научного сообщества России для того, чтобы наметить на будущее планы для их последующего решения, не допуская создания избыточности норм уголовного права.

Список литературы

1. Агильдин В. В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по УК РФ // Юридический мир. – 2011. – № 2. – С. 40.
2. Бриллиантов А. В., Андрианов В. К., Арямов А. А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова – М.: Проспект, 2022.
3. Капелюшник М. С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 25.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / под ред. В. М. Лебедева. – М.: Издательство Юрайт, 2023.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2022. – 992 с.
7. Кругликов Л. Л. Энциклопедия уголовного права. Т. 9. Назначение наказания. Издание профессора Малинина – СПб ГКА СПб., 2008. – 910 с.
8. Мирошниченко Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 52.
9. Нечепуренко А. А. Подходы к теоретическому моделированию системы уголовных наказаний // Проблемы государственно-правового развития России: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. (21 ноября 2014 г.) / отв. за вып. Т. Е. Грязнова, С. С. Киселев. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – С. 64.

10. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: монография / под ред. И. А. Подройкиной. – М.: Юстицинформ, 2017.

References

1. Agil'din, V. V. (2011) Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu kak vid nakazaniya po UK RF [Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities as a type of punishment under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskij mir – The legal world*. No. 1. P. 40. (In Russian).
2. Brilliantov, A. V., Andrianov, V. K., Aryamov, A. A. (2022) (eds.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. The parts are Common and Special]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
3. Kapelyushnik, M. S. (2006) Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu [Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities]. *Rossijskij sledovatel' – The Russian investigator*. No. 12. P. 25. (In Russian).
4. Chuchaev, A. I. (2019) (ed.) *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
5. Lebedev, V. M. [i dr.]. (2023) (ed.) *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF v 4 t. Tom 1. Obshchaya chast'* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation in 4 vols. Volume 1. The general part]. Moscow: Yurajt. (In Russian).
6. Rarog, A. I. (2022) (ed.) *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
7. Kruglikov, L. L. (2008) (ed.) *Enciklopediya ugolvnogo prava. T. 9. Naznachenie nakazaniya. Izdanie professora Malinina* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 9. Sentencing. The publication of Professor Malinin]. St. Petersburg: GKA. (In Russian).
8. Miroshnichenko, N. (2014) Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu [Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*. No. 1. P. 52. (In Russian).
9. Nechepurenko, A. A. (2015) Podhody k teoreticheskomu modelirovaniyu sistemy ugovolnyh nakazaniy [Approaches to the theoretical modeling of the criminal punishment system]. *Problemy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii* [Problems of state and legal development of Russia]. Materials of the interuniversity scientific and practical conference (November 21, 2014). Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. P. 64.
10. Podrojkina, I. A. (2017) *Ugolovnye nakazaniya v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy* [Criminal penalties in modern Russia: problems and prospects]. Moscow: Yusticinform. (In Russian).

Об авторе

Чепаров Роман Дмитриевич, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-7357-3831, e-mail: cheparov98@mail.ru

About the author

Roman D. Cheparov, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0009-7357-3831, e-mail: cheparov98@mail.ru

*Поступила в редакцию: 17.07.2024
Принята к публикации: 20.08.2024
Опубликована: 30.09.2024*

*Received: 17 July 2024
Accepted: 20 August 2024
Published: 30 September 2024*

Кузнецов Эдуард Вениаминович
Фото из семейного архива

Российская наука понесла огромную утрату

2 августа 2024 года в возрасте 86 лет ушел из жизни выдающийся российский ученый, доктор юридических наук, профессор

КУЗНЕЦОВ ЭДУАРД ВЕНИАМИНОВИЧ
(20.09.1938–02.08.2024)

Э. В. Кузнецов, в 1963 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова и был избран народным судьей Тосненского городского суда. За годы работы им было рассмотрено более трёхсот гражданских и двухсот уголовных дел. В дальнейшем он работал следователем УВД города Ленинграда, затем поступил в спецспирантуру ЛГУ им. А. А. Жданова, где готовили специалистов со знанием иностранных языков для преподавания юриспруденции в зарубежных странах. Длительное время Э. В. Кузнецов служил в системе МВД, в 1983 г. ему было присвоено звание «полковник», затем руководил кафедрой и спецфакультетом в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Среди учеников профессора Э. В. Кузнецова – государственные деятели и генералы МВД: В. П. Сальников, И. В. Асеев, В. Ю. Голубовский, Р. А. Ромашов, М. Х. Гельдибаев, Булатов Р. Б. и др. На возглавляемой им кафедре проходил предзащиту докторской диссертации генерал-полковник С. В. Степашин. Многие преподаватели кафедры – известные ученые, доктора и кандидаты юридических наук: В. В. Лысенко, Ю. В. Ячменев, В. В. Цмай, С. Б. Глушаченко, Г. И. Захаренко, И. А. Романов.

Полковник Э. В. Кузнецов, неоднократно выезжал в горячие точки страны для выполнения правительственных заданий.

В 1999 г. за большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров в области юриспруденции он был награжден почетной грамотой Иллинойского университета (США).

Профессором Э. В. Кузнецовым подготовлено 26 кандидатов и докторов юридических наук, за что Президентом России ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Являясь учеником и последователем одного из основателей современной философии права в России – члена-корреспондента Российской академии наук Д. А. Керимова, Эдуард Вениаминович выступил инициатором включения в учебную программу юридического факультета вуза новой дисциплины – «Философии права», которая преподается в ведущих зарубежных университетах.

В связи с этим профессор Э. В. Кузнецов был приглашён читать лекции по русской философии права на французском языке в Римский (Италия, 1995 г.), Лундский (Швеция, 2003 г.), Вальядолидский (Испания, 2005 г.), Силезский (Польша, 2009 г.) университеты, а также в университет Масарика и Карлов университет (Чехия, 2010 г.).

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный профессор СПб ГУАП, доктор юридических наук, профессор Э. В. Кузнецов стоял у истоков создания юридического факультета и кафедры теории и истории государства и права СПб ГУАП, которую возглавлял до 2022 г. 15 лет он успешно руководил этой кафедрой, а также Санкт-Петербургским отделением Российской ассоциации философии права (IVR), которая в 2005 году вошла в состав Всемирной ассоциации философии права и социальной философии.

Э. В. Кузнецов – основатель новой правовой школы «Философия права», автор более 200 научных трудов,

50 учебных изданий. В 2023 г. им была написана и опубликована монография на иностранных языках «Право как искусство добра и справедливости». Последняя монография «Как прекрасен этот мир» была издана в 2023 г. Был удостоен правительственных наград Российской Федерации и зарубежных стран.

Это был многогранный, талантливый ученый, наделенный способностью генерировать новые правовые идеи, добрый друг и наставник, человек, оказывающий помощь всем в этом нуждающимся, безвозмездно дарящий всем свои знания.

*профессор кафедры теории государства и права,
член-корресподент РАЕН
О. Э. Старовойтова*

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

ПРИ ОТПРАВКЕ файла присваивается имя типа "Иванов_статья".

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. Определите шифр ВАК согласно номенклатуре научных специальностей: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>

5. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

6. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. **NB!** В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. *Пример:* Notary's Role in the Procedure of Purchase and Sale Turnover of Residential Premises Under Russian and Syrian Legislation.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи. *Во втором абзаце* «Результаты» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи. *В третьем абзаце* «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- Слова и словосочетания «Введение», «Результаты» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Результаты**
В тексте основного исследования **необходимо** сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
  1. Дискуссионность положений доказательственного права;
  2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве;
  3. Этапы юридической квалификации;
  4. Стандарт доказывания.Слово "Результаты" в теле статьи набирается в том случае, если автор не имеет возможности использовать тематические рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU вверху страницы).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название организации без указания организационно-правовой формы; город; страна; идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); e-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00 %

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисовочная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Особенности написания сокращения «г.» (город) в тексте статьи и в сведениях об авторе

- Сокращение «г.» не указывается при упоминании трёх городов федерального значения: *Москва, Санкт-Петербург, Севастополь.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании иностранных городов и столиц: *Венеция, Париж, Берлин, Астана, Ташкент, Минск.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании городов, в названии которых есть «-град», «-город», «-бург»: *Белгород, Калининград, Екатеринбург, Шлиссельбург.*
- Во всех остальных случаях сокращения «г.» рекомендуется указывать: *г. Вологда, г. Саранск, г. Краснодар, г. Новосибирск, г. Киров.*

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе «Авторам» на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-yuridicheskij-zhurnal/avtoram-4>

Статья, оформленная в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляется в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (77)
2024

Редактор **А. А. Титова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1979

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru